Спи, Алиса

Автор:
Алекс Джун

Спи, Алиса

Алекс Джун

Young Adult. Молодежная российская проза

В мир Алисы их пришло трое. Сив – кровавая ведьма из Чернолесья. Инг – талантливый хирург, у которого по нелепой случайности погиб пациент. Йен – слепой мальчик, который все время повторял одно слово: «Расплата!» Между ними существовала некая связь, берущая начало в межмирье – таинственном месте, где девушка оказывалась во снах. Алиса помогала каждому предвидеть будущее, но не знала, почему именно ей была уготована эта роль. Только когда она встретит парня, обладающего тем же даром, судьба подскажет разгадку снов. И станет ясно: есть двери мироздания, которые лучше не отворять…

Алекс Джун

Спи, Алиса

© Алекс Джун, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Шептали деревья, друг к другу прижавшись:

«Кровавая Ведьма ночами не спит,

С частичкой души на поляне расставшись,

Трех кукол особых она мастерит.

Пусть думает ведьма, что просто играет,

Ведь лица у кукол легко ей стереть.

Ломается кукла, но не умирает,

Для кукол забвение – страшная смерть.

Их ведьма зароет под землю однажды,

И куклы послушно там будут лежать,

Удобно ли им – это ведьме неважно,

А куклы, как прежде, лишь будут молчать.

Пока ведьма помнит, пока сердце бьется –

С ней дышат и куклы, пусть даже она

За ними уже никогда не вернется,

И маются куклы, как ведьма, без сна».

Пролог. У дерева

Маленькая девочка сидела на поляне у подножия огромного дерева и усердно мастерила куколок из обломанных веток, время от времени бросая взгляды на лежащего неподалеку мальчика, который также был занят изготовлением игрушек. Куклы у него получались какими-то угловатыми и неуклюжими, но мальчик ими был весьма доволен. Расставив трех уродцев в ряд, он начал снабжать их крошечными копьями и мечами. Все ясно, игрушечные воины. Никакой фантазии! Девочка презрительно фыркнула и любовно провела кончиками пальцев по шершавой ветке, чуть сгибая ее у основания. Идеально! Снова посмотрев на мальчика, она тихонько запела незамысловатую песенку, которую сама же и придумала пару минут назад:

Этой кукле я сделаю руки –

Самой умелой пусть будет в округе.

Этой кукле я дам глаза –

Пусть видит то, что другим нельзя.

Третья кукла пусть мудрая будет:

Ответы найдет и все споры рассудит.

Три куклы были готовы. Девочка с торжествующим видом разложила перед собой поделки.

– Судя по твоей песенке, ты мастеришь каких-то калек. У одной только руки, а у другой – глаза. – Мальчик оторвался от собственных творений, рассматривая куколок подружки.

– Ничего ты не понимаешь! Я просто хочу каждую из них наделить особым даром, вот и все! А ты?

– Что я?

– Не хочешь сделать их особенными?

Мальчик задумчиво почесал затылок, неуверенно перебирая свои изделия.

– Не знаю, пусть будут воинами-защитниками, как мой отец. Этого вполне достаточно.

Девочка с жалостью взглянула на корявых человечков и покачала головой. Бедные! Тоже мне дар – быть воином-защитником! Да уж, с таким хозяином вас ждут лишь унылые сражения.

– Что ты там про глаза сочинила? Мне понравилось. – Мальчик нахмурился и взял одного человечка в руки. – Пусть этот тоже видит то, что скрыто.

Девочка улыбнулась и, сорвав с дерева пару алых ягод, помогла мальчику нарисовать его кукле жутковатые кроваво-красные глаза.

– А теперь попробуем их оживить? – Девочка в предвкушении потерла ладони. Она схватила маленький ножик мальчика, небрежно отброшенный им на траву, и прежде, чем он успел ее остановить, порезала себе палец. – Ритуал кормления кровью, слышал? – произнесла девочка каким-то потусторонним шепотом и придвинулась ближе, странновато изогнувшись, будто нарочно старалась запугать своего друга. Мальчик тут же отпрянул, выругавшись словами, которые ему вообще-то пока не полагалось знать в силу своего возраста.

– Да не делай ты такое лицо! – Девочка вздохнула и растерла по голове куклы каплю крови. – Помажем их вот так, и все. Или ты боли боишься? А еще воином стать хочешь!

– Да хоть все пальцы мне изрежь, не дрогну, – злобно откликнулся мальчик и с готовностью подставил руку. – Мне просто не нравится, когда ты кривляешься. Тоже мне демон!

Девочка отвечать не стала: она бросила ему нож и подтолкнула поближе кукольных воинов. Мальчик торопливо вспорол себе ладонь и умыл кровью своих человечков.

– А теперь что? – с вызовом поинтересовался он, ловко вращая нож между пальцами.

– А это только мой секрет.

* * *

В нашем мире сокрыто множество тайн мироздания: одни лежат на поверхности и ждут момента, когда их обнаружат и разгадают те, что ищут ответы. Другие спрятаны настолько хорошо, что обречены на вечное забвение. Третьи же тайны отгадываются случайно, ими часто пренебрегают, недооценивают… до поры до времени…

Знала ли девочка, что за любой дар нужно платить? Слышала ли о равновесии в природе? Ведь старуха Шэл частенько перед сном рассказывала ей своим скрипучим голосом истории о добре и зле, о красных нитях судьбы, связывающих людей сквозь пространство и время, о дарах и расплате, о священных древах жизни, что стоят на распутье дорог или растут на полянах посреди непроходимого леса, о том, что ритуалы и клятвы на крови даже в шутку совершать ни в коем случае нельзя, особенно глупым детишкам. Но сказки кажутся правдой лишь ночью, когда ожившие тени пляшут вокруг костра и скользят по стенам, словно силуэты приближающихся снов. А при свете дня все просто и ясно. И нет нужды вспоминать предостережения, таящиеся в позабытых историях давно выжившей из ума старухи Шэл.

Покуда не придет их срок.

Глава 1. Серая дверь

«Опять дождь и ветер».

Алиса недовольно наморщила нос, глядя на тоскливое, затянутое мрачными тучами небо. Капли барабанили по стеклу, время от времени попадая через открытую форточку прямо ей на лицо. Она потянулась и нехотя вылезла из постели. Маленькая черная тень, извиваясь, словно змея, выскользнула из-под одеяла и затаилась где-то под кроватью. Видимо, один из ее снов не успел уйти вовремя.

«Интересно, я плакала во сне из-за того, что на улице дождь, или это мои слезы, напротив, просочились в этот мир?» – рассеянно подумала она, все еще не отрывая глаз от окна и пытаясь нащупать босыми ступнями тапки. Оставив безуспешные попытки обуться, Алиса вздохнула и поплелась на кухню, бормоча себе под нос что-то о снах, погоде и пропавших тапочках.

Из сонного оцепенения ее вырвал бодрый оклик:

– Доброе утро, говорю! – Инг повторил приветствие, обаятельно улыбнувшись.

– Во-первых, убери ноги со стола, – Алиса поморщилась, – а во-вторых, пока не приму ванну и не выпью кофе, можешь даже не пытаться разговаривать со мной.

– Как скажешь, только поторопись, – развел руками Инг. – Я ненадолго, хотел только уточнить пару моментов.

Алиса молча включила кофеварку и направилась в ванную, отмахнувшись от Инга, как от назойливого комара. Ее мысли, как часто случалось по утрам, немного путались, и она пыталась систематизировать увиденное во сне, разложить все по полочкам. Девушка повернула кран, скинула пижаму и забралась в ванну, медленно наполнявшуюся теплой водой. Блаженство.

– Я давно не видел Сив. Почему она больше к тебе не приходит?

Алиса, вздрогнув, распахнула глаза. Инг бесцеремонно уселся на край ванны, задумчиво глядя в зеркало, словно изучая собственное отражение.

– Не мог бы ты выйти? Я моюсь, – прошипела Алиса, мысленно взывая к своему терпению.

– Я же говорю, у меня не так много времени, – разозлился Инг. – Меня могут вызвать в любой момент, я сегодня на смене. Да ты и сама на работу опоздаешь, нечего тут разлеживаться. Даю тебе пять минут.

С этими словами он выскользнул из ванной, и Алиса с головой погрузилась под воду. Однако Инг был прав: Сив давно не приходит, а на всех ее дорогах судьбы – лишь кромешная тьма. Знать бы еще, что это значит. Если бы Сив была мертва, то пути бы оборвались, как случилось с Йеном, а дверь больше бы не открывалась. Алиса поежилась, и, несмотря на довольно высокую температуру воды, ее начало знобить. Так много вопросов и лишь один ясный ответ: Алиса сходит с ума уже очень долгое время. Девушка решительно вынырнула и с молниеносной быстротой начала приводить себя в порядок.

– Коротко про Шу: скажи ей, наконец, правду! Рано или поздно тебе придется это сделать, другого исхода нет. – Алиса вихрем влетела на кухню и бросила грозный взгляд на Инга, снова примостившего свои ноги на обеденный стол.

– Шу снова сбежала из школы. Что с ней происходит?

– Как она сама это объясняет? – Алиса отхлебнула кофе и с жалостью посмотрела на Инга, который заметно нервничал.

– Говорит, ей надоело ходить парами с другими девочками, вплетать дурацкие ленты в косички и слушать лекции настоятельницы про домоводство. Возможно, Шу чувствует себя неуютно потому, что она старше своих одноклассниц. Ей ведь пришлось остаться на второй год из-за частых пропусков по состоянию здоровья. А в этот раз она просто притворилась больной, и ее отпустили ко мне на неделю.

– Это не впервой. Что конкретно тебя беспокоит?

– Да я сам точно не знаю. – Инг принялся ковырять пальцем скатерть. – Какое-то предчувствие беды, что ли. Не могла бы ты сказать, чего мне остерегаться в будущем, дать совет? Какой меня ждет выбор?

– Придумай способ, как сказать ей правду. Чем раньше ты это сделаешь, тем лучше.

– И это все?

Выдержав драматическую паузу, чтобы придать своим словам бо?льшую убедительность, Алиса произнесла:

– И не отправляй ее в школу в ближайшую неделю.

– А какой-то долгосрочный прогноз? – не унимался Инг.

– Инг, – Алиса провела рукой по его шершавой щеке, – я не могу. Чем больше будешь знать, тем сильнее запутаешь все пути. Я говорю ровно столько, сколько необходимо в данный момент, не хочу, чтобы ты метался. Если будет грозить серьезная опасность, я сделаю все возможное, чтобы помочь тебе ее обойти,

обещаю. Ты ведь помнишь, что произошло, когда мы пытались предотвратить похищение Шу и я дала тебе слишком много информации?

– Да ладно тебе! Тогда мы были лишь глупыми детьми и не знали, что делать.

– В любом случае, это моя ошибка. – Алиса потрепала Инга по волосам. – И причины подобного поведения Шу кроются в том травмирующем опыте.

– Не вини только себя.

– Нет, я должна была все предвидеть. Как и в случае с Йеном.

– До сих пор переживаешь из-за смерти того слепого мальчика? – Инг склонил голову, пытаясь поймать взгляд Алисы.

– Конечно! Я вспоминаю о нем каждый божий день.

– Алиса, он был болен и не отдавал себе отчета в собственных действиях. Я тебе это как врач говорю. Йен был совершенно неадекватен. Сколько его помню, он все время стоял на одном месте и выкрикивал одно и то же слово. Только я забыл, что именно. Возможно, у него были органические расстройства…

– Расплата, – прошептала Алиса, не слушая разглагольствования Инга, пытающегося в очередной раз поставить Йену какой-то заковыристый диагноз. – Когда он чувствовал мое приближение, то все время кричал «Расплата».

Глава 2. Фиолетовая дверь

Шу, уставившись в потолок, лежала на старом выцветшем диванчике в квартире Инга. Ей казалось, что с каждой минутой настенные часы тикают все медленнее и медленнее, словно вот-вот уснут и вовсе остановятся. Только щелчки секундной стрелки да грохот трамвая, периодически раздающийся вдалеке, нарушали звенящую тишину, от которой ужасно ломило виски.

Прошла целая вечность с тех пор, как Инг отправился на работу в свою захолустную больницу. По-хорошему нужно было приготовить ему что-нибудь на ужин или хотя бы нарезать бутерброды и заварить чай, но Шу не могла заставить себя подняться. Она продолжала лежать, даже не предпринимая попыток встать, пока, в конце концов, не услышала скрежет ключа, поворачивающегося в замочной скважине.

– Снова надоел весь мир? – улыбнулся Инг, буквально с порога оценивая настроение сестры.

Шу трагически закатила глаза.

– Мне всегда казалось, что девятнадцатилетние девчонки должны думать о других проблемах. Нечего надеть и тому подобное. Но ты меня удивляешь.

Инг прошел на кухню и с огорчением оглядел пустые кастрюли, после чего вернулся к Шу.

– Я кое-что принес с работы для тебя, новые разработки. – Он вытащил из кармана тюбик и вложил в ее руку. – Мажь этим свой шрам на лбу перед сном, месяца через два оценим результат.

– Меня вовсе не шрам беспокоит, – воскликнула Шу, швырнув тюбик на стол. – Через месяц я заканчиваю школу, а ты так и не нашел способ, как помочь мне. Ты же врач, да и мой брат, к тому же. Занимаешься какой-то ерундой!

Инг прикусил губу. Снова эта бредовая идея Шу – поступить после школы в военное училище. Никакие логические доводы, просьбы и разговоры не возымели ни малейшего успеха. С каждым днем ее желание только росло вопреки здравому смыслу.

– Я уже все сказал. Тебя туда не возьмут по состоянию здоровья, я узнавал. Не веришь – сама сходи.

– Так вылечи меня!

– Я пытаюсь много лет, но я не волшебник. – Инг взял со стола небрежно брошенный Шу тюбик. – Как ты собралась служить, если с трудом выносишь вид крови, страдаешь паническими атаками и приступами астмы? От курсантов требуется гораздо больше, чем маршировать по площади в красивой военной форме и отдавать честь.

– Ты просто хочешь, чтобы я поступила в какое-нибудь швейное училище или, того хуже, вышла замуж!

– Послушай. – Инг выдавил из тюбика немного мази и принялся аккуратно наносить ее на шрам Шу. – Если уж тебе так хочется этого, то попробуй. Я не запрещаю. Но иметь хотя бы один запасной вариант на случай провала вполне разумно. Куда, кстати, собирается поступать эта твоя подруга, Мия?

– Мия… А черт ее знает, на курсы акушерок вроде. Да какая вообще разница? Не хочу про нее говорить. – Шу резко встала и принялась расхаживать по комнате.

– Вы поссорились?

– Скажем так, неправильно друг друга поняли.

Шу подошла к шкафу с зеркальной дверцей и скривилась. Она никак не могла отделаться от ощущения, что ее тело должно принадлежать кому-то другому, а не ей. Все было каким-то неправильным.

– Почему с каждым годом я все больше становлюсь похожа на какого-то богомола? Эти длинные худые руки и ноги. Я сегодня мерила твои ботинки, и они мне как раз! Кажется, мои ступни никогда не перестанут расти. Даже после смерти. Клянусь, в конце концов они вылезут из-под земли и будут торчать, словно два огромных памятника. Нет, ну чего ты смеешься, только взгляни на эти ножищи. – Шу подняла ступню и для наглядности помахала ею перед носом Инга.

– Я работаю хирургом в приемной, вряд ли ты удивишь меня огромными ногами, для этого нужно что-то посолиднее, – улыбнулся Инг. – Да брось, Шу. Подумаешь, длинные ступни. Ты все равно миленькая. Зато плавать удобно. Всех обгонишь!

Девушка покачала головой и снова легла на диван.

– Внешность – не главное. Вот я невысокий, и что с того? Ты хоть раз слышала, чтобы я мечтал стать выше?

Шу не ответила. Легко Ингу рассуждать. Он хоть и был ниже большинства парней, но при этом прекрасно сложен, чертовски обаятелен и умен. А его руки? Шу могла часами наблюдать за изящными движениями пальцев Инга, когда он штопал ее платье, плотничал, готовил или чинил игрушки. Подумать только, ведь он и людей так чинить умел. Бережно и осторожно.

– Я тут вспомнила, а где тот скелет, с которым ты в детстве разрешал мне играть? – задумчиво поинтересовалась Шу, все еще разглядывая руки брата.

– Ты его сломала, и я унес его, – помедлив, ответил Инг.

– А откуда он взялся? В смысле, он был настоящим или нет?

– С чего вдруг такие вопросы? Решила сменить тему? – Инг насмешливо щелкнул Шу по носу. – Да, он был настоящим. Мне его подарил один профессор для подготовки к экзаменам по анатомии.

– Теперь понятно, почему я выросла такой странной. Ведь он был моей любимой игрушкой. Я называла его Скелеша. – Шу потерла лоб, голова по-прежнему немного болела. – Меня радует, что этот скелет достался в подарок, а то я всегда втайне опасалась, что ты сам откопал его на кладбище и приволок домой. Зная твою тягу к медицинским знаниям, это было бы не удивительно. Куда ты его потом дел? Зарыл в землю?

– Шу, у тебя было полно других игрушек, помимо Скелеши. И это был довольно старый экспонат, который десятки лет пылился в университете. Надо же мне было как-то занимать тебя, чтобы ты не мешала учиться. Я рассчитывал, что ты тоже пойдешь в медицину, вот и готовил тебя заранее. Но потом ты окончательно его разломала, а я побоялся, что ты можешь пораниться, и выкинул его.

– Если подумать, то ты достаточно циничный человек.

– Еще какой. Пойдем лучше чай пить, – подмигнул Инг и, наклонившись к самому уху Шу, добавил заговорщическим шепотом: – И больше никогда не засовывай свои ноги в мои ботинки, вдруг в один прекрасный момент ты их порвешь, большеногая женщина.

Сидеть вечерами на кухне с братом, пить чай и молча смотреть в окно на горящие фонари, в свете которых иногда мелькали фигуры запоздавших прохожих, было одним из самых любимых занятий Шу. Инг обычно листал какую-нибудь книгу, временами шумно прихлебывая из своей чашки. Эта его особенная манера пить чай многих раздражала, но только не Шу. Она, наоборот, ценила в людях маленькие несовершенства. Даже дурная привычка Мии грызть ногти, с которой так усердно боролась настоятельница, казалась Шу милой и трогательной. Но Мии, конечно же, она этого никогда не расскажет. Ведь Шу была довольно скрытной девушкой и только лишь Ингу могла высказать все, что тревожило ее на самом деле.

– Сегодня тебе удалось хоть немного поспать на смене? – спросила Шу, намазывая джем на хлеб.

– Часок, потом вызвали. Привезли мужчину с довольно интересной травмой, на заводе его руку чуть не намотало на… Хотя вряд ли тебе стоит такое слушать.

– Уж избавь от кровавых подробностей.

Инг хмыкнул, но не стал отвечать и взял протянутый Шу бутерброд. Военное училище и без кровавых подробностей, она это серьезно?

– А если я пойду с тобой завтра на работу, помогу с перевязками? Попытаюсь помочь… – уловив ход его мыслей, предложила Шу.

– Ох, Шу, – улыбнулся Инг. – Я верю, что ты будешь очень стараться, но ты даже не представляешь, каких людей привозят к нам в приемную и с какими травмами. В стране до сих пор невообразимая разруха. Бандитские группировки, враждующие кланы – это то, что терзает наш город по сей день. Мне ли тебе об этом говорить?

Шу судорожно провела пальцами по шее, словно пытаясь стянуть невидимый ошейник, и прошептала:

– Я помню. Поэтому тоже хочу сражаться против этих подонков, пока не наступит пора безопасности и спокойствия.

– Не обязательно брать в руки оружие ради этого, Шу, мы все боремся за лучшее будущее, и я в том числе, – мягко произнес Инг. – Тебе стоит подумать о том, где твое место на самом деле. Не обязательно губить всю оставшуюся жизнь, гоняясь за призраками из прошлого.

– Но Инг!

– Смотри, – перебил ее Инг.

Одно мгновение, и он ловко достал из кармана перочинный ножик. Вытащив лезвие, Инг с хирургической точностью сделал небольшой разрез на своей левой руке чуть ниже локтя. Шу побледнела, но не вымолвила ни слова.

– А теперь займись перевязкой, – будничным тоном продолжил Инг, положив руку на стол. – Сама знаешь, где аптечка.

Струйки алой крови медленно заскользили к запястью Инга, оставляя на коже красные извилистые дорожки. Шу почувствовала, как у нее перед глазами все поплыло, а пол радостно устремился навстречу. Если бы не Инг, она бы так и рухнула навзничь, словно кто-то резко столкнул ее со стула.

– А ведь это даже раной назвать нельзя, – прошептал Инг, подхватывая сестру.

Он бережно усадил ее в стоявшее у стены кресло, после чего достал аптечку из кухонного шкафчика и заклеил порез пластырем.

– Что мне делать, Инг? – чуть ли не всхлипывая, выдавила из себя Шу, закрыв лицо руками.

– Прежде всего начать объективно смотреть на вещи и трезво оценивать свои собственные способности. Я видел, как ты тренируешься: бегаешь по утрам, а после задыхаешься. Такое себе зрелище. Приемная комиссия явно не оценит. Направь свою энергию в другое русло. Не нужно становиться швеей или выскакивать замуж. Почитай газеты, которые я оставил утром на твоей

тумбочке. Может, что-то и заинтересует тебя, помимо военного училища. Ну, вижу, медицинская помощь тебе не требуется, а это значит, что я могу идти спать. Спокойной ночи, сестренка.

Инг выжидающе посмотрел на Шу, которая сосредоточенно изучала собственные руки. Расценив молчание как согласие, он направился в свою комнату, на всякий случай оставив дверь приоткрытой. Шу откинулась на спинку кресла и закрыла глаза, чувствуя, как в груди разрастается пустота, сотканная из безнадежности и отчаяния. Как долго будет продолжаться эта запутанная игра?

– Я помню гораздо больше, чем ты думаешь, Инг, – прошептала Шу, прекрасно зная, что брат ее не услышит. – Я помню все.

Глава 3. Красная дверь

Сив нервничала, и поэтому суп, который она варила, получался безвкусным и неаппетитным на вид. Удручающая картина. Свекровь недовольно покачала головой и вышла из кухни, не сказав ни слова. Конечно, она ведь знала, что через неделю Сив покинет их дом, вероятно, навсегда. Хакон объявил о своем решении прошлым вечером. Новый круг – новая жена. «Спасибо за сына, Сив, может, я выберу тебя как-нибудь еще лет так через пять-шесть». Девушка в отчаянии бухнула в кастрюлю столовую ложку перца. Острое не могло быть невкусным. Нет, сегодня она не просто злилась и нервничала – она была в бешенстве.

Краем глаза Сив заметила знакомый силуэт, промелькнувший в окне. Попался! Отшвырнув ложку прямо на пол, девушка стремглав бросилась во двор, преследуя свою жертву, если, конечно, Хакона можно было так назвать. Высокий, сильный, он одним ударом мог повалить дерево, в то время как макушка Сив едва доставала ему до плеча. Но несмотря на физическое превосходство, Хакон опасался вспыльчивого нрава жены и со вчерашнего вечера пытался не попадаться ей на глаза. Как будто от Сив можно было ускользнуть.

– Я не вернусь в круг, – выскочив на улицу, заорала она. – Не стану больше безропотно следовать этим ужасным традициям. Вот увидишь!

– Возвращайся в дом. – Хакон напустил на себя самый грозный вид из всех имеющихся, но это лишь сильнее обозлило Сив.

– Тебе придется или убить меня, или тащить в круг за волосы.

– Если мужчины увидят твою строптивость, никто тебя не выберет. Разве что старый Фин или жестокий Олин. Хочешь такого мужа?

Сив побледнела. А ведь он был прав. Чертовы законы! Почему мужчины выбирают женщин, а не наоборот? За какие такие грехи она родилась бесправной женщиной?

– Нет, Хакон! Оставь меня и на этот круг. Пожалуйста. – Сив заломила руки и упала на колени перед мужем, возненавидев себя за это. – Я буду самой лучшей женой. Только не отрекайся от меня. Амину муж уже семь лет не возвращает в круг. Они счастливы!

– Муж Амины обычный кузнец. Я же – Хин, главный защитник Чернолесья, потомок могучего рода воинов. Дело не в том, плохая ты жена или хорошая. Пойми, дети от разных женщин значительно укрепят мой род. Тебя выберет Ньен, он мне пообещал. Как Советник Хина, Ньен выходит в круг вторым, следом за мной.

– Да горите вы все огнем! – Сив вскочила с колен и бросила горсть песка прямо в глаза Хакону.

Но тот успел увернуться. Эта его чертова привычка всегда быть начеку. Глаза Хакона потемнели от злости: он ненавидел и боялся, когда Сив выкрикивала подобные проклятья, считая ее ведьмой (и не без оснований).

– Как ты можешь поступить так со мной?

– Я не совершил ничего плохого, таковы правила нашего мира, смирись с этим. – Хакон прищурил глаза. – Можешь, конечно, попробовать сбежать из Чернолесья в поисках лучшей доли, как делают некоторые строптивицы. Но вряд ли ты выживешь в диких землях. Племена кочевников обращаются с женщинами куда ужасней, чем ты можешь себе представить. А близлежащие поселения

придерживаются законов круга. Как далеко ты уйдешь?

Словно раненая лисица, Сив издала душераздирающий вопль и бросилась обратно в дом, едва не сбив с ног свекровь и даже не заметив слез на ее лице. Да, свекровь очень жалела Сив и была полностью на ее стороне, хотя девушка упорно этого не замечала, упиваясь собственным горем.

– Больше нет смысла подавлять свои способности, – прокричала себе Сив. – Плевать на страхи Хакона. Алиса скажет, что делать.

Глава 4. У дерева

Алиса всегда оказывалась здесь. Первое, что она видела, открыв глаза, – это переплетенные белые ветви огромного дерева, заслоняющие голубое небо. Сейчас они были покрыты искрящимся белым инеем, напоминающим сахарную глазурь. Но бывало и так, что на ветвях распускались розово-фиолетовые цветы, обрамленные персиковыми лепестками. Реже всего Алиса наблюдала гроздья мелких красных ягод, свисавших нарядными сережками. Никакой логики в смене времен года этого чудесного места не существовало – дерево могло меняться прямо на глазах. Вот и сейчас Алиса не успела моргнуть, как хрустящая от инея трава вновь позеленела, а на ветвях повылазили мелкие листочки. Девушка села и потянулась.

Поляна с деревом была небольшой, со всех сторон ее окружал лес черных скрюченных деревьев, тощих и неказистых. А еще двери, разбросанные кем-то странным сюрреалистическим образом. Красная дверь – яркая и блестящая – всегда стояла в центре поляны, и ее с легкостью можно было обойти кругом. Фиолетовая лежала на земле чуть дальше, вся опутанная колючками и засыпанная увядшими листьями. Голубая и вовсе умудрялась балансировать на одном из своих углов. Краска на двери давно облупилась, а сломанная бронзовая ручка валялась неподалеку. Это была дверь Йена, которую Алиса больше не могла открыть. Запертой была и белая дверь, неуклюже привалившаяся к одинокому чахлому деревцу. Каждый раз Алиса безуспешно искала способ отпереть ее, но попытки пока оставались лишь напрасной тратой времени. Да, и еще имелась серая дверь – самая маленькая, Алиса всегда боялась застрять в ней. А ведь именно этой дверью она пользовалась. Ну что ж, за дело. Прежде

всего ей нужно было разобраться с проблемами Инга. Алиса опустилась на корточки и принялась смахивать шелестящие листья с фиолетовой двери.

– Алиса! Ты мне нужна.

Девушка обернулась и не поверила своим глазам: на одной из веток огромного дерева сидела Сив.

– Сив! Где ты пропадала все это время? – Алиса бросилась к ней навстречу.

– Пыталась угодить Хакону, чтобы он оставил меня на новый круг. – Сив горестно вздохнула, спрыгивая на землю. – Ты же сама говорила, что он до ужаса боится сверхъестественных вещей. Вот я и не прибегала к своим талантам сновидения. – Она развела руками.

– Но он отказался от тебя? – в ужасе прошептала Алиса.

Девушка грустно кивнула. Алиса покачала головой: это было предсказуемо, более чем. И все-таки какие ужасные нравы в мире Сив.

– Открой мою дверь и взгляни, какие там теперь дороги появились. – Сив села на траву, поджав ноги.

Она не видела дверей, как Алиса, – перед глазами Сив неизменно стоял лишь непроходимый лес. Алиса кинулась к красной двери и распахнула ее настежь. Сотни дорог, переплетаясь, убегали вдаль. Темнота медленно отступала, хотя некоторые пути были по-прежнему затуманены. Ох уж эта Сив с ее импульсивным характером и постоянной сменой решений в последнюю секунду. Алиса внимательно начала изучать вероятности.

– Тебе не избежать круга, – в конце концов, промолвила Алиса. – Не осталось тех путей, которые могли бы заставить Хакона передумать. Сама виновата, надо было чаще ко мне приходить.

Сив вскочила и принялась вышагивать по поляне, запустив руки в свои пышные каштановые волосы.

– Хочешь знать, кто тебя выберет? Здесь всего два варианта, – нерешительно предложила Алиса.

– Нет! Да какая вообще разница? Я только привыкла к Хакону, а теперь снова, здравствуй, новый муж. Гори весь круг!

– Ты его полюбила?

– Да ну какая любовь, Алиса. Это не про наш мир, – засмеялась Сив. – Случались подобные истории у моих подруг: полюбил, оставил на один круг, потом на второй. Но рано или поздно почти всех возвращают. Мужчинам всегда кажется, что чужая жена лучше. Нет, не верю я в вечную любовь, в страсть – да, но и она угасает, оставив после себя лишь привязанность, которую мужчины ценят гораздо меньше новых ощущений и неизведанных прелестей.

– Инг о тебе вспоминал, – поведала Алиса, продолжая изучать дороги Сив.

– Как он?

– Ничего нового. Кстати, давно хотела спросить, – не поворачивая головы, начала Алиса. – Почему одна ты можешь приходить сюда вместе со мной? Инг навещает меня только в моем мире, как и Йен, вернее, навещал…

– Кто знает, – пожала плечами Сив. – Но это место кажется мне знакомым, словно я бывала здесь когда-то давно, еще в детстве. Там, где я родилась, полно таких черных уродливых деревьев.

Краем глаза Алиса заметила, как медленно струящийся по земле туман начал затягивать поляну, а это означало лишь одно – Сив скоро проснется.

– Вот что, – торопливо заговорила Алиса, закрывая красную дверь. – Ты сейчас должна слушать меня очень внимательно. В будущем тебе грозит серьезная опасность, и не только тебе. Пожалуйста, не забудь наш разговор!

Сив фыркнула. Это только Инг никогда не помнит Алису. Он считает, что не видит снов вовсе, а предостережения и советы Алисы, чудом закрепившиеся в его мозгу, списывает исключительно на счет собственной интуиции. Скольких бы

проблем он избежал, если бы внимательнее слушал свой внутренний голос, на самом деле принадлежащий Алисе.

Дав необходимые указания, Алиса едва успела обнять на прощание Сив: слишком беспокоен и короток был в этот раз ее сон. Сив исчезла, оставив после себя лишь клочья бело-серого тумана, цепляющегося за ветви огромного дерева. Алиса снова осталась одна. Она немного постояла возле фиолетовой двери, но так и не решилась открыть ее, – очень уж устала, выбирая наилучший для Сив путь. Ну что ж, пора лезть через эту ужасную серую дверь. Алиса кое-как протиснулась в узкий проем и ощутила, что падает. Сердце в груди ухнуло и заколотилось с безумной скоростью. Алиса открыла глаза в собственном мире. На часах было без четверти семь: самое время вставать с кровати и собираться на работу.

Глава 5. Фиолетовая дверь

Шу снова лежала, закрыв глаза. Воспоминания, подобно щупальцам огромного спрута, опутывали ее с ног до головы, не позволяя заснуть. Навязчивые картины из прошлого вспыхивали друг за другом, пытаясь утянуть Шу в потаенные глубины памяти, – на самое дно, сокрытое мгновениями прожитых лет, счастливых и грустных моментов, но не забытое. Шу сделала глубокий вдох, словно перед отчаянным прыжком в ледяное бушующее море, и позволила воспоминаниям окончательно завладеть своим разумом. Так много крови. Кровь на полу и на стенах. Но самое пугающее в этом – люди, лежащие в красных лужах, чьи лица страшны, рты открыты, глаза не двигаются, а одежда находится в беспорядке. Шу знала этих людей: наставницы приюта и старшие дети, среди которых также был ее брат, неловко привалившийся к стене. Почему он не встает? Шу куда-то тащат грубые злые люди, а брат так и остается неподвижно сидеть, уставившись в пустоту. Очень трудно собрать из разрозненных воспоминаний целостную картину, ведь тогда ей было всего три года (а брату уже минуло девять?). Но Шу продолжала упорно склеивать фрагменты в своей голове воедино. После была долгая дорога, рядом с ней на лавке сидели куклы, ах нет, должно быть, это тоже были дети, такие же, как и она, – молчаливые и напуганные. Кто-то давал им пить из железной кружки и вкладывал в руки куски хлеба. Тем, кто начинал громко плакать, что-то засовывали в рот (вероятно, кляп?), но Шу молчала.

Она помнила, как ее привели в огромный красивый дом. Мама и папа (так их велели называть) с огромной радостью встретили Шу и проводили в новую комнату. О ней заботились: кормили, играли, наряжали. Но если Шу вела себя неподобающим образом, ее частенько отправляли в подвал к другим непослушным детям. Шу боялась подвала, в особенности детей в нем. Они были страшными и всегда молча лежали, свернувшись в клубок и не шевелясь. Так странно. Со временем Шу все чаще и чаще оставляли в этом отвратительном подземелье. Сколько лет прошло? Кажется, два года. А после она услышала шум и крики. Кто-то другой пришел за ней в подвал. Не мама с ее мягкой походкой, ласково шепчущая: «Где моя послушная доченька?» И не папа, постоянно кашляющий и любящий светить фонариком прямо в лицо Шу, а люди в форме. Они сказали: «Только один ребенок остался в живых!» И навсегда унесли ее из красивого дома с жутким подвалом. Что сталось с другими непослушными детьми? С мамой и папой? Затем была больница и худенький мальчик, бегающий по коридору с бинтами в руках: он старался быть полезным, помогал врачам. Шу тут же узнала его и закричала, вцепившись в белый халат. «Это моя сестра», – прошептал он, прижимая к себе девочку.

С тех пор Инг всегда находился рядом.

Позже Шу рассказали, что Инг был сильно ранен во время нападения на приют. Один из врачей, выхаживавший мальчика, усыновил его, а после позволил и Шу остаться в его доме. «Где бы я была без тебя, Инг? В очередном приюте? Еще в одной семье?»

Шу ненавидела вспоминать ужасы прошлого, но и совсем не думать о них не могла. Замкнутый круг. Но больше всего на свете ее терзало не это. Моменты, связанные с нападением банды работорговцев на детский приют, и последующие годы, конечно, были отвратительны. Но было еще кое-что. Более ранние воспоминания о счастливых днях, проведенных Шу в стенах приюта, почти истертые временем. Что ты помнишь, Инг? В травмированном детском мозгу Шу все настолько перемешалось и спуталось, что сложно было разделить явь и вымысел. Шу скинула одеяло, ища прохлады.

«Нужно расспросить брата», – решила она, но в ту же секунду новая волна сомнений накрыла ее с головой. Инг ведь может и соврать. И какой тогда окажется правда? Да и что с ней делать потом?

– Валяюсь как какая-то падаль уже который день, аж тошно, – прошептала Шу, нехотя разлепляя веки. – А ведь я по-прежнему жива. – Она схватила первую попавшуюся газету из стопки, что подготовил для нее Инг, и наугад ткнула пальцем в объявление.

Глава 6. Красная дверь

Жаркая ночь уходящего лета полыхала множеством костров, ветер развевал нарядные ленты, повязанные на стволах деревьев. Ритмичный тихий бой барабанов сотрясал воздух.

Сив до сих пор не могла поверить в происходящее. Она была частью круга, точнее не круга, а неровного овала, образованного из сотни стоящих плечом к плечу женщин. Хотя нет, некоторые из них сидели прямо на земле, видно, особо не рассчитывая на завидную партию. Одни были нарядными, другие – в повседневной одежде; кто-то весело болтал с подружками, кто-то тихо плакал, ну а некоторые, такие как Сив, бросали на мужчин полные ненависти взгляды и беззвучно нашептывали проклятия. Чуть в стороне располагался круг поменьше из девушек в белых легких платьях. Их впервые допустили к участию в Круговороте Жизни. Сив поморщилась. Ведь не так давно она сама стояла в таком же ужасном белом платье, словно нелепый подснежник, не к месту вытянувшийся посреди летней поляны. Тогда ее выбрали самой первой. Хакон уверенно зашел в круг и вывел Сив, крепко сжимая в руке ее ледяные пальцы. Возможно, он решил стать ее первым мужем в память о тех далеких днях беззаботного детства, когда они вместе играли в дремучих лесах и мастерили шалаши. Иногда с ним было даже весело. Ха! Вряд ли Хакон был настолько сентиментален. Вероятнее всего, он просто хотел, чтобы его могучие потомки, которыми он беспрестанно бредил, унаследовали особые способности Сив. Хакон – единственный в Чернолесье, кто знал о ее секретах.

Она обернулась, выискивая в толпе знакомую фигуру. Хакон стоял на возвышении и контролировал процесс жеребьевки. Каждый из допущенных к кругу мужчин в случайном порядке вытягивал листок с нацарапанным номером. Первым выбирал жену Хин, главный воин и защитник их деревни, после – его Советник, а дальше в круг входили, повинуясь вытянутому порядковому номеру. К слову сказать, для Хакона Сив тоже была первой женой. Молодым людям

позволялось участвовать в Круговороте Жизни позже девушек, ведь они должны были заслужить это право: построить дом и освоить профессию. Хакон стал самым молодым Хином за всю историю Чернолесья, и в этом была доля заслуги Сив, вернее, ее «способностей».

Сив раздраженно потерла левую щеку, потому что от нанесенной краски кожа ужасно чесалась. На ее левой щеке был изображен символ материнского рода Сив – алые языки пламени. Много лет назад родная бабка Сив пришла в Чернолесье из диких земель и попросила принять ее в круг. О своем прошлом она никогда не рассказывала, зато охотно делилась с Сив тайными знаниями и секретами мироздания, взяв с девочки обещание бережно хранить полученные уроки и передать их той, кому можно доверять как самой себе. Мать Сив скончалась рано, потому бабка немало времени уделяла воспитанию внучки. На правой щеке Сив красовалась жирная черная точка – символ рода отца. Родственники по отцовской линии были простыми тихими людьми и с Сив почти не общались. Поговаривали, что именно бабушка Сив свела в могилу ее папу, чтобы тот не мешался под ногами. И Сив охотно в это верила. Ее бабка люто ненавидела всех представителей мужского пола, а потому до сих пор оставалось загадкой, какая неведомая сила вынудила эту женщину заявиться в Чернолесье и добровольно войти в круг. Правда, лишь один раз. Сив сжала кулаки. Бабушка о многом ей рассказала, не поведала только об одном: как ей удалось уговорить деда больше никогда не возвращать ее в круг?

Сив снова взглянула на Хакона: левая щека парня была ярко-синей, ведь мать его происходила из рода лекарей, правая же была исполосована красными рваными линиями – символом древнего рода защитников и сильнейших воинов. Гордость Хакона. Когда сын Сив подрастет и заслужит право участвовать в Круговороте Жизни, на его левую щеку нанесут алые языки пламени, а на правую – красные рваные линии, как и у отца. Это делалось для того, чтобы исключить кровосмешение с ближайшими родственниками: если у мужчины и женщины совпадал хотя бы один знак, то они не могли быть парой. Весьма разумно, учитывая частые браки, принятые в Чернолесье. Сив внимательно изучала пришедших мужчин. В этот раз было довольно много чужаков из соседних земель. Своих женщин уже недостаточно? Сив вздохнула. Уж лучше тогда Ньен. Она, по крайней мере, останется тогда в родном Чернолесье и сможет видеться с сыном хотя бы ближайшую пару лет.

Размышления Сив прервал оглушительный барабанный бой. Началось. Сив с трудом подавила внезапно возникшее желание совершить что-то безумное:

выбежать из круга, задирая юбку, или начать смеяться диким зловещим смехом. Нет, за такие выходки могут и изгнать, а сумасшедшую ни один дом не примет. Хакон медленно направился в сторону девушек. Конечно, он станет выбирать из девиц в белых платьях, он ведь не дурак. Хин вошел в маленький круг и спустя пару секунд вышел, держа за руку высокую, хрупкую, белокурую девушку. Сердце Сив предательски сжалось. Новая жена Хакона была ее полной противоположностью. Прямые светлые волосы, величественная осанка, прозрачные голубые глаза. Рядом с ней Сив смотрелась этаким косматым коренастым гномом, только кирки с лопатой не хватало. А про глаза и говорить было нечего; радужка Сив была болотно-зеленого цвета с мелкими коричневыми крапинками, как выражалась бабушка: «Это тебе отец подгадил», – ведь у самой старухи Шэл были изумительные зеленые глаза, напоминающие два омута.

Хакон прошел мимо, даже не взглянув на пылающую от гнева Сив. Теперь его новая жена будет год жить в доме Хакона. Если за это время она не забеременеет, то снова вернется в круг, но муж, конечно же, может решить дать ей еще один шанс и оставить в доме. Если же жизнь зародится в ее чреве, то она будет считаться женой Хакона вплоть до того момента, пока ребенку не исполнится год. А затем, как это случилось с Сив, муж начнет размышлять, возвращать жену в круг или нет. Ребенок в любом случае останется в доме отца. О нем станут заботиться свекровь и другие родственницы мужа, которых не принимает круг. Не принимает круг! Сив завистливо вздохнула.

Избежать круга можно было по нескольким причинам, например, когда у сына женщины рождался ребенок, то новоиспеченная бабушка могла с гордостью отвергнуть традиции и не участвовать в обряде (как это и сделала мать Хакона), и вместо этого посвятить свою жизнь заботам о внуке. Другой причиной могло стать лишь плохое состояние здоровья, подтвержденное лекарем. В этом случае они отправлялись жить в дом к родственникам, где помогали по хозяйству и следили за детьми. Сив снова вздохнула, у нее не было ни одной из вышеперечисленных причин, по которой ее могли бы исключить из круга.

А вот и Ньен. Идет с таким видом, будто ему не жену, а смерть предстоит выбрать. Обещал так обещал! Сив взъерошила волосы и отвернулась. Ньен был старше Хакона, но у него было всего три жены, и это, возможно, ее шанс навсегда попрощаться с кругом, кто знает? Но Ньен прошествовал мимо. Сив от неожиданности клацнула зубами и начала в ужасе озираться. Может, не заметил? Стоит ли подняться на цыпочки и выкрикнуть ему нечто вроде: «Я здесь, протри глаза»?

Время шло, а Ньен продолжал бестолково метаться по кругу, наводя смуту в рядах как женщин, так и мужчин. Кто-то начал недовольно покашливать, кто-то – бросать едкие фразочки. Все ждали. Сив снова начали одолевать странные желания, вроде таких, как швырнуть в Ньена камешек и отвернуться или заорать голосом Хакона: «Должок!» А что, если самой вывести его за руку из круга? Может, он, бедняга, запаниковал, увидев ее красоту? Но Ньен на радость всем наконец-то опомнился и, сделав пару решительных шагов, выволок из круга Сив, неуклюже схватив за запястье.

Новый муж, новый дом. Едва они отошли на пару метров от собравшейся толпы, как Сив выдернула свою руку из цепких пальцев Ньена, а тот даже не сопротивлялся. Ньен вообще выглядел каким-то потерянным и разбитым, и Сив стало даже его немного жаль.

– Не знаю, что тебе наговорил Хакон, но я, в общем-то, хорошая девушка, – почему-то решила приободрить его Сив. – Я злая, только если меня обидеть, ну, или расстроить.

Ньен странно посмотрел на Сив, словно впервые ее видит, и ничего не ответил. Так, в молчании, они и шли до самого дома Советника. На пороге их встретила младшая сестра Ньена, Лит: она была хромой, потому никогда не участвовала в Круговороте Жизни, зато заботилась о двух маленьких дочках брата. Лит выразила свое почтение и поприветствовала Сив в новом доме, пожелав, как полагается, счастья и мира. Дети уже спали. Ньен снова вцепился в локоть Сив и подвел ее к двери одной из комнат.

– Это твоя. Располагайся, – буркнул он и растворился в темноте ночного дома, прежде чем Сив успела опомниться.

Даже обидно стало. Хакон был гораздо инициативнее в качестве мужа в их первую ночь. Сив решила списать побег Ньена на его нервное возбуждение, порожденное выбором такой прекрасной жены, как она. Сив бодро распахнула двери своей новой комнаты и завалилась на кровать. Неплохо! Даже лучше, чем она предполагала.

Но уснуть в эту ночь Сив так и не смогла. Ее сердце тосковало по сыну и злилось на бестолкового Хакона. А еще в голове беспрестанно крутилась мысль, что она забыла о чем-то важном.

Только вот о чем?

Глава 7. Серая дверь

Алиса стояла, прижавшись лбом к стеклянной раздвижной двери. Перед глазами проносился давно наскучивший пейзаж. Город, серый огромный безликий город, царство стекла и бетона. Небоскребы, мосты, туннели, машины, провода и рельсы, по которым мчались сверкающие поезда. Инг всегда восхищался миром Алисы. Железнодорожные пути, подобно кровеносной системе, оплетали город. На поезде можно было добраться практически в любой район. Бескрылые металлические птицы, как называла их Сив. Она побаивалась поездов. Алиса же считала свой мир скучнейшим из всех возможных. Все происходило согласно расписанию и протоколу, нормам и правилам. Порядок и скука. Дом – работа – учеба – дом. Однообразная рутина, на которую были обречены практически все жители мегаполисов. Неудивительно, что многие сходили с ума.

– На работу мчишься? – Инг прислонился спиной к двери и улыбнулся Алисе.

Его появление всегда было немного неожиданным. Виной тому, видимо, был сумасшедший напряженный график Инга и его беспокойный характер. И сон урывками в свободное от дежурства время, потому что Инг очень много работал. Алиса совсем уже позабыла их первую встречу, настолько это было давно, еще в далеком детстве. Она порылась в кармане, достала смартфон и быстро набрала сообщение в одном из мессенджеров. «Привет, Инг». Не хватало еще в поезде разговаривать с невидимым другом, ведь кроме нее больше никто не видел Инга. Парень бросил взгляд на экран и кивнул.

– Так что там с моими путями? – поинтересовался он, разглядывая пассажиров поезда.

«Прости, Инг. Не успела посмотреть. Объявилась Сив. Ей грозила опасность. Пришлось разбираться с ней», – написала Алиса, чуть развернув к Ингу экран.

– Успешно хоть?

«Пока не знаю. Если Сив внимательно меня слушала, то все должно пройти хорошо».

– Будем надеяться, – пробормотал Инг. – А ты свои пути хоть иногда смотришь? Или все время тратишь на нас?

«Редко. В этом нет нужды: у меня самые скучные дороги. Они отличаются только тем, выберу я на обед булочку с яблоком или черникой, забуду зонтик или нет. Обычно я открываю свою дверь и становлюсь на самый ближайший путь, а после просыпаюсь». Пальцы Алисы стремительно перемещались по экрану, выбирая необходимые буквы и стирая предыдущие сообщения, отчего Инг едва успевал читать напечатанное.

– Жаль, я не вижу дорог, – ответил он.

«Они у тебя в сердце: ты их не видишь, но чувствуешь. Делаешь свой выбор».

– Порой у меня складывается ощущение, что выбора никакого и нет, – грустно улыбнулся Инг, взъерошив волосы. – Судьба хитра и коварна.

«Если его нет, тогда зачем ты постоянно спрашиваешь меня о будущем?»

Алиса укоризненно посмотрела на Инга, но тот промолчал в ответ. Поезд остановился, издав мелодичный звуковой сигнал. Алисе и Ингу пришлось потесниться, пропуская направившихся к выходу людей. Инга пусть и не замечали, но старательно обходили, словно кожей ощущали его незримое присутствие.

– Алиса, там Шу! – внезапно заорал Инг и выскочил из вагона.

– Да стой же ты! Я на работу опоздаю! Подожди, – завопила в ответ Алиса, бросившись следом за ним.

Люди изумленно проводили девушку взглядом, некоторые осуждающе поджали губы, потому что в общественном месте полагалось вести себя тихо и вежливо, а не бегать с криками, натыкаясь на пассажиров.

«Ну какая Шу! Он совсем спятил. Или это я вконец слетела с катушек», – злилась Алиса, всеми силами пытаясь нагнать мчавшегося впереди Инга, который умело маневрировал между людьми, чего нельзя было сказать о ней.

– Вон она! Идет за тем типом в форме. – Инг немного сбавил скорость, заметив, что Алиса едва не врезалась в какого-то недовольного верзилу, словно нарочно преградившего спешащей девушке путь.

– Ты про полицейского?

– Ну да, не видишь, что ли?

– Нет там никакой Шу, – с отчаяньем воскликнула запыхавшаяся Алиса.

Услышав ее слова, полицейский резко остановился и обернулся.

«Ну блин, я вслух ругаюсь со своим воображаемым другом», – без единой кровинки в лице подумала девушка, нервно хватая Инга за руку.

– Вы сказали, «Шу»? – Полицейский осторожно приблизился к Алисе, побледнев при этом еще сильнее, чем она.

– А что?

– И с вами Инг?

– Кто… что… я… – заблеяла Алиса, подбирая слова и как никогда остро ощущая собственное умопомешательство.

– Шу сказала ему, что я с тобой! Она меня видит, но вот он – нет. – Инг помахал рукой у полицейского прямо перед носом, но тот даже не моргнул.

– Так, давайте куда-нибудь отойдем, – заявил полицейский и протянул Алисе ладонь.

– В участок? – сглотнула она, делая шаг назад и мысленно готовясь к бегству.

– Да нет же! В кофейню или еще куда. Мне кажется, нам стоит поговорить.

Алиса кивнула и поплелась за мужчиной в форме. Вернее, это был молодой парень, наверное, лет на пять-шесть моложе самой Алисы. Она исподтишка изучала его внешность, стараясь не рассматривать слишком уж пристально. Полицейский был симпатичным, с правильными чертами лица, светлыми волосами и голубыми глазами. Именно такими изображали хранителей правопорядка на рекламных буклетах военной академии. Алиса задумчиво намотала на палец прядь волос. Похоже, к нему приходит Шу, а это значит… Впрочем, еще рано было делать какие-то выводы. Инг оживленно болтал с Шу, но ее ответов Алиса не слышала.

Вскоре они подошли к небольшому уличному кафе, что располагалось прямо у оживленной дороги. На входе висели яркие красные бумажные фонарики и стояли огромные декоративные вазы, одну из которых едва не уронила разнервничавшаяся Алиса. Полицейский все-таки взял ее за руку и увел в самый дальний угол, хотя свободных столиков было предостаточно.

– Зови меня Матс, – сказал он, протягивая меню. – Мне двадцать лет, я первый год на службе в полиции, отдел охраны городской безопасности.

– Алиса, – буркнула девушка, не понимая, к чему ей слышать такие подробности. Ну хоть размер одежды не назвал, и на том спасибо. – Работаю в больнице администратором, вечерами учусь на психолога в университете. Вижу невидимых людей и двери в странном лесу.

– Почему ты не сказала, что тебе двадцать шесть? – ехидно усмехнулся Инг.

Алиса попыталась испепелить его взглядом, но не вышло.

– Двери? – удивился Матс, однако больше не выглядел бледным и растерянным и вел себя так, словно они с Алисой – закадычные друзья, встретившиеся поболтать за завтраком перед работой.

– Ну знаешь, такие разноцветные, стоят в лесу, а за ними – пути-дороги. – Девушка отложила в сторону меню, даже не раскрыв его.

– В каком лесу? – Матс принялся перебирать зубочистки в стаканчике, что стоял посреди стола.

– В том месте, где я оказываюсь во сне. – Алиса в свою очередь начала нервно теребить салфетку: вопросы Матса слегка напрягали ее, но и утаивать правду она не видела смысла.

– Если я правильно понял, то место в твоих снах, где сплетаются вероятности, выглядит как лес с дверями?

– А у тебя нет?

– У меня остров, окруженный бескрайним морем, с минимальным количеством растительности, зато есть большое раскидистое дерево. И нет дверей. – Матс, наконец, оставил в покое стакан с зубочистками, вытащил сигарету и закурил.

– А что есть?

– Норы, в них ходы. Но я редко туда заглядываю. – Он помахал рукой, изображая нечто непонятное, что, по его мнению, должно было помочь Алисе представить картину загадочного острова из сновидений.

– А почему редко?

– Они не хотят, – пожал плечами Матс, медленно выдыхая сизый дым.

– Норы не хотят?

Матс засмеялся, небрежно воткнул сигарету в пепельницу и сделал жест, подзывая официанта.

– Два кофе и две булочки, пожалуйста. – И когда официант ушел, продолжил: – Удивительно, но всю жизнь я считал себя сумасшедшим, скрывал это ото всех. И тут ты кричишь про Шу. А ведь она одна из тех, кого я вижу с детства.

– А ко мне приходит Инг.

– Я уже понял. Они, вероятно, видят друг друга, потому что из одного мира.

– А кто к тебе еще приходит? – осторожно поинтересовалась Алиса.

– Хакон и Иви.

Алиса едва ли не закричала, но вовремя прикрыла рот и лишь обменялась с Ингом многозначительным взглядом. Подошел официант и аккуратно поставил перед ней чашку с кофе и тарелку с булочкой.

– Я вижу Сив! И еще был Йен, – выпалила Алиса, когда официант удалился.

– Почему был? – Матс сделал глоток и отломил от булочки кусочек.

– Он утонул. Я предупреждала, чтобы не ходил к озеру, но Йен меня не послушал. Он был слепым и, похоже, боялся меня, всегда кричал только «Расплата!»

– Довольно пугающее слово. Что оно значит? – Матс озабоченно нахмурился и от этого почему-то стал выглядеть куда моложе своих лет.

– Я не знаю, – потупилась Алиса, скручивая салфетку в тоненький жгут.

– Моя Иви вообще не говорит. Думаю, она немая. А у Шу много проблем со здоровьем. Хоть Хакон здоров.

– У Шу проблемы из-за того случая с похищением. Ты пытался помочь ей избежать его?

СИВ

– Нет. Я был слишком мал, чтобы воспринимать все эти видения всерьез. Я просто играл с ней, как с невидимым другом. Уже потом понял, что ходы в норах – это альтернативные пути моих подопечных. Но на общем собрании мы решили, что я буду вмешиваться в их судьбу, только когда они сами того захотят. Хакон иногда просит. Шу – практически никогда. Ну а Иви… Иви всегда молчит.

– А я только и занята тем, что распутываю дороги судеб Сив и Инга, нахожу наилучшие пути. А зачем тогда к тебе приходят твои, как ты выразился, «подопечные»?

– Да просто так. Гуляют рядом, сидят со мной по вечерам и молча курят. Ничего особенного.

– Шу курит? – вмешался до этого момента терпеливо молчавший Инг.

– Инг, я не думаю, что курение во сне причиняет ей вред, – попыталась успокоить его Алиса. – Всего лишь иллюзия, ты и сам можешь такие создавать.

– Куда пошла! – закричал Инг в пустоту перед собой. – Исчезла, зараза. Видимо, или проснулась, или перешла на другой уровень сна, не связанный с этим миром.

Повисла неловкая пауза. В голове Алисы всплывали и тут же утопали под натиском сомнений и страхов различные вопросы. Матс тоже молчал, постукивая по столу пальцами и при этом не сводя проницательного взгляда со своей собеседницы.

– Я опаздываю на работу, – в конце концов, сказала Алиса. – Мне пора.

– Вот мой номер телефона. – Матс вытащил ручку и быстро нацарапал на салфетке цифры. – Звони в любое время.

Девушка кивнула и сунула салфетку в карман.

– Не оставишь свой? – спросил Матс, тоже вставая из-за стола.

Алиса вопросительно посмотрела на Инга, но тот лишь развел руками, мол, решай сама.

– Я напишу вечером, – пообещала она Матсу и поспешила на выход.

Бросив взгляд на часы, Алиса похолодела от ужаса. Она уже минут пять как должна была находиться на рабочем месте. Какой кошмар! Девушка перешла на бег, отметив, что, к великому сожалению, Инг исчез. Без него она всегда чувствовала себя немного одиноко. Но этот парень-полицейский. Подумать только, он такой же, как она! Алиса мчалась со всех ног, но и мысли в ее голове били все скоростные рекорды. Оглядываясь назад, девушка понимала, что повела себя довольно глупо и не спросила и половины того, что должна была. От досады ей захотелось схватить саму себя за шиворот и хорошенько встряхнуть. Столько лет она пыталась разгадать причины появления в своей жизни невидимых друзей, но как только подвернулась подходящая возможность – ничего путного так и не сделала. Словно глупая героиня книги, не сумевшая связать и пары слов. Алиса подивилась самой себе, пообещав впредь вести себя разумнее.

Глава 8. Фиолетовая дверь

Инг никогда толком не помнил собственные сны – лишь яркие обрывки какой-то нелепицы, стремительно тающие после пробуждения. Да он особо и не переживал по этому поводу, ему сполна хватало реальных проблем.

– Как спалось? – окликнул он сестру, звенящую на кухне чашками.

– Никак. Навязчивые мысли не давали покоя, – пробормотала Шу, разливая по чашкам чай. – Только к утру удалось задремать. Ты мне снился, кстати, ругал за что-то.

На секунду Ингу показалось, что в этот раз он сможет поймать собственный сон за хвост, но тот снова ускользнул, оставив в сознании смутные переживания и смазанные кадры утраченного сновидения.

– Куда-то собираешься? – Инг оценивающе осмотрел тщательно приодетую сестру: белая блузка, длинная темная юбка, даже волосы были заплетены в косу.

– Есть одна идея, вечером расскажу, если все сложится, – загадочно ответила Шу. – Ты сегодня до восьми хоть вернешься?

– Не знаю. Работы много. Вчера вот женщину ко мне привезли с подозрением на аппендицит, забыл рассказать. У нее были такие адские боли! – Он сел за стол рядом с сестрой и осторожно взял из ее рук чашку с горячим чаем.

– Инг, – взмолилась Шу.

– Нет, ты дослушай. Это забавный случай. Я начал ее осматривать, а она, бедная, кричит во весь голос: «Помираю! Спасите!» Руками-ногами дергает, буйная, одним словом. И тут я понимаю, что она рожает. Но пациентка уверяет, что это невозможно, обзывает меня бестолковым, пытается поколотить, орет, чтобы позвали другого врача. Такой хаос поднялся, не представляешь. В итоге мальчик родился крупный, а главное – здоровенький. Женщина прямо расцвела на глазах от счастья. Сказала, что сестре отдаст, та давно о детках мечтает, да родить все никак не может: врачи ей бесплодие поставили.

– Прямо фея-крестная. А разве детей теперь дарят вместо подарков? – Шу отодвинула чашку и поднялась из-за стола. – Лучше прибереги свои акушерские байки для Мии, она будет в восторге. А я не ценитель подобных историй, тем более за столом.

– Вот всегда ты так. Когда я еще твою Мию увижу. Я-то думал, ты будешь гордиться мной, принять ребенка тоже надо суметь, а ты…

– Увидишь-увидишь. Мия по уши в тебя влюблена, и со мной она общается только лишь поэтому.

– Да будет тебе! Любишь ты нагнетать. Не вижу ничего плохого в том, если молодая девушка проявляет симпатию к старшему брату своей лучшей подруги. Такое часто случается с девчонками вашего возраста. Это вовсе не значит, что ты ей не нужна.

– Много ты понимаешь, – пробормотала Шу и отвернулась. – Мне пора. До вечера.

– Ужин приготовь! – Инг хотел было поймать ее за локоть и притянуть к себе, чтобы обнять перед уходом, но не осмелился, вспомнив о том, что Шу давно не ребенок и вряд ли нуждается в подобных сентиментальных прощаниях с его стороны. А жаль. Сегодня она выглядела особенно потерянной и несчастной.

– Ладно-ладно, приготовлю, – отозвалась девушка, выходя из кухни.

Стоя в прихожей, Шу еще раз провела расческой по волосам, придирчиво изучила свое отражение в мутном зеркале и незаметно обула старые ботинки Инга, ведь туфли ужасно натирали, а в обуви брата ходить было гораздо удобнее. Юбка была достаточно длинная, да и мужские высокие ботинки смотрелись на ней не так уж плохо.

Инг в это время принялся мыть посуду, фальшиво насвистывая свою любимую песенку. Когда Шу, как обычно, громко хлопнула входной дверью, он лишь покачал головой. Бесполезно ее о чем-либо просить, все равно сделает по-своему. Бедная старенькая дверь, еще немного – и совсем слетит с петель под безжалостным напором Шу. Закончив с уборкой, Инг поспешно направился в больницу.

Он, как правило, добирался на работу на небольшом обшарпанном трамвайчике с круглыми фарами, похожими на вытаращенные от удивления глаза. Каждое утро Ингу встречались одни и те же люди – соседи-знакомые, что являлось обычным делом для такого небольшого городишки. Инг запрыгнул в трамвай и, кивнув пассажирам, достал из кармана небольшой томик детективных историй. Не то чтобы его особо интересовала подобная литература, но надо же было как-то убивать время, пока трамвай не спеша полз до конечной остановки. Легкое бульварное чтиво для этого – неплохой вариант.

Инг лениво перелистывал страницы, время от времени изучая унылые картины, возникающие по ту сторону заляпанного оконного стекла. Покосившиеся старые дома, грязные улицы, женщины с колясками, вероятно, направляющиеся на прием в местный пункт матери и ребенка; дети, торопящиеся в школу; угрюмые рабочие, снующие туда-сюда по своим делам. И он, Инг, молодой хирург, сидящий у окна дребезжащего трамвайчика с потрепанной книгой в руке, едущий на работу в обветшалую больницу, чудом сохранившуюся еще с

прошлого века. Неужели это все, что могла предложить ему жизнь? Достаточно ли он сам прилагал усилий?

Инг улыбнулся, вспомнив вчерашний случай с женщиной. Хотел вырезать аппендицит, а в итоге помог появиться на свет малышу. Можно ли считать, что день прожит не зря?

У порога больницы Инга встретила встревоженная Кэти.

– Скорей переодевайся, срочно нужен хирург. Верон занят, он оперирует ребенка: малыш случайно разбил стеклянную дверь и весь изрезался. А минут пять назад к нам привезли раненого мужчину, опять бандиты отношения выясняют!

Инг поспешил в раздевалку, на ходу слушая сбивчивый рассказ Кэти. Снова разборки между группировками, когда уже полицейские наведут в городе порядок!

– Иди готовь пациента. И сама переодевайся – будешь ассистировать.

– Инг, я не уверена, что должна тебе говорить об этом, но, боюсь, ты убьешь меня, если промолчу, – неуверенно пробормотала Кэти.

– Так говори.

– Раненый мужчина – это Червивый Боб. Помнишь, о нем писали в газетах? Сегодня утром его банду арестовали, но они оказали сопротивление. Многие бандиты убиты, а Боб…

– Постой, хочешь сказать, полицейские привезли его в нашу больницу и хотят, чтобы я спасал ему жизнь? Да ему самое место на виселице! – Лицо Инга исказила гримаса отвращения и брезгливости.

– Но Инг! Ты врач, и не тебе решать, кому жить, а кому умереть. Это забота судьи. А наша работа – оказывать медицинскую помощь всем нуждающимся, – в отчаянии выдохнула Кэти.

Инг стиснул зубы и продолжил готовиться к операции. Кэти чмокнула его в щеку, но парень лишь отмахнулся.

– Иди займись пациентом.

Кэти обиженно прикусила нижнюю губу и выскользнула из раздевалки. Инг же с яростью пнул корзину с грязными халатами. Подумать только! Червивый Боб будет лежать перед ним на операционном столе. Боги! Если бы он не послушался Верона и не поехал домой спать, то спасал бы сейчас ребенка, а не эту мерзкую скотину. Инг подошел к раковине и открыл кран. Зачем вообще тогда торопиться? Может, просто позволить ему умереть? Что, если помочь немного старушке-Смерти? Какой-нибудь пустячок вроде забытого зажима или вообще… Но это же смешно! Инг – талантливый хирург, об этом каждый знает, и доказывай потом на суде, что скальпель случайно соскользнул сам!

– Повезло тебе, Червивый Боб, – пробормотал Инг, намыливая руки. – Нет, сегодня ты не умрешь. Ты сгниешь в тюрьме или спляшешь на виселице, уж я за этим прослежу.

Червивый Боб лежал на столе, накрытый специальной простыней, из-под которой нелепо выглядывала лысая голова. В таком виде он меньше всего походил на опасного преступника. Неподалеку стояли, перешептываясь, два полицейских, которых Кэти уже облачила в халаты и маски и попросила постараться не мешать. Она помогла Ингу надеть стерильную одежду, внимательно за ним наблюдая. Вроде спокоен как обычно, даже чересчур. Кэти слишком хорошо была осведомлена о ненависти Инга к бандитам вроде Червивого Боба и прочего сброда, чтобы не понимать всю щекотливость сложившейся ситуации. Закончив, она заняла свое место у стола, возле другой операционной медсестры. Без промедления Инг приступил к работе. Его движения были четкими и уверенными, а голос – спокойным.

Ранение Червивого Боба оказалось не слишком серьезным, и потому операция заняла не более сорока минут. После чего пациента увезли в специальную палату, имеющую решетки на окнах и надежную дверь.

Проверив, хорошо ли устроен Червивый Боб, Кэти отправилась на поиски Инга. Найти его не составило труда: он сидел в ординаторской и вносил записи в историю болезни.

– Боб размещен по всем требованиям закона, температура и давление в норме, – сообщила Кэти.

Инг рассеянно кивнул, выводя очередную завитушку. У него был прекрасный почерк, взглянув на написанный Ингом текст, можно было подумать, что буквы старательно вырисовывала какая-нибудь гимназистка-отличница.

– Налить тебе чай? – Кэти присела на диванчик неподалеку от Инга.

– Нет, ничего не нужно. – Он отодвинул исписанные листки и встал из-за стола. – Я ведь мог убить его, Кэти, понимаешь? Там, прямо на столе, во время операции. Я даже придумал план. Любой хирург мог бы совершить подобную ошибку. Никто бы не подкопался.

– Но все же Боб жив.

– Узнай об этом Шу, она обозвала бы меня слабаком, – невесело улыбнулся Инг.

– Ты профессионал.

– А Боб – убийца, преступник, продающий по всей стране наркотики и отсылающий детей, купленных у нерадивых родителей или даже украденных, в соседние страны в качестве игрушек и рабов. И что же? Теперь он преспокойно лежит, подлеченный и аккуратно зашитый, в койке, пока медсестра измеряет ему температуру и давление по графику. И все благодаря моему честолюбию. Ну как же, не может быть такого, чтобы из-за какого-то обычного ранения Инг Мольен потерял пациента!

– Будет суд.

– Надеюсь, сильно на это надеюсь. – Инг снова рухнул на стул и стал рассеянно перебирать бумажки на столе, складывая их в аккуратные стопки: Верон вечно устраивал беспорядок.

– Я приду к тебе сегодня? Муж в ночную смену уходит, – как бы невзначай поинтересовалась Кэти, заправляя за ухо выбившийся белокурый локон. – Тебе не повредит компания.

Инг оторвался от бумаг и вздохнул. Кэти была прекрасной женщиной: красивой, умной, интересной и очень комфортной в общении, но, к сожалению, замужней. Он давно гадал, почему, имея связи на стороне, Кэти никогда не думала о разводе всерьез. Ее муж был не богат, не красив – обычный работяга с фабрики, встречавшийся с Кэти еще со школьных времен. Он даже пару раз уличал жену в измене, устраивал скандалы, но в конце концов всегда прощал. А Кэти находила нового любовника. Любила ли она своего мужа? Скорее всего, да, а может, ей просто было с ним удобно.

– У меня сестра дома, временно не посещает школу, – наконец-то ответил Инг.

– Надолго?

– Неделя, может, больше.

– У меня есть ключ. Я тихонько зайду к тебе после полуночи, она и не заметит. А за час до рассвета уйду. – Кэти лукаво улыбнулась, склонив голову набок.

Инг на секунду заколебался, но затем согласился. В конце концов, это Шу жила в его квартире, и он не обязан был менять свои привычки только потому, что она решила в очередной раз прогулять школу.

– Только тихо.

– Тенью проскользну к тебе в постель, – засмеялась она. – Ну, мне пора, надо делать перевязки. Не грусти тут! – погрозила Кэти пальцем и, стуча каблучками, шустро выскочила из комнаты, словно маленький беззаботный ураган.

Инг махнул ей рукой, уже жалея о том, что согласился на взбалмошный план Кэти. Шу заметит. Точно заметит. Только бы мужу Кэти не разболтала. Кто знает эту своенравную девчонку!

Глава 9. Красная дверь

Сив пила чай, заваренный Лит ранним утром. Лит же суетилась, выполняя разнообразные утренние домашние дела. Сив несколько раз предлагала свою помощь, но сестра Ньена вежливо отказывалась – она привыкла все делать сама.

– А куда ушел Ньен? – зевая, спросила Сив. – Вчера на круге он был каким-то странным, очень долго бродил вдоль женщин, выбирал. Я думала, Советнику Хина полагается быть более решительным.

– Должно быть потому, что Ньен не хотел возвращать свою жену в круг. Он очень любил ее. Но она слезно просила его об этом, закатывала жуткие истерики, сидела, закрывшись в комнате, и даже не желала видеть собственную дочь. Ньен до последнего сомневался, оставлять жену или отпустить.

Услышав ответ Лит, Сив едва не подавилась чаем. Вот ведь бывают ненормальные, или…

– А в чем причина такого рвения снова встать в круг? Он с ней дурно обращался? – с опаской уточнила Сив.

– Что ты! – замахала руками Лит. – Ньен очень добр с женщинами. Просто она полюбила другого, Ньен тоже любил ее, но и мучить не хотел. Вот и отпустил. А сейчас он, скорее всего, пошел узнавать, кто выбрал его бывшую жену.

Сив даже не нашла слов, чтобы ответить. Да уж, знатную свинью подложил ей Хакон: навязал мужика с разбитым сердцем, слепо уверовавшего в любовь. Ей теперь, поди, целый год придется вытирать ему сопли и жалеть. С другой стороны, может, это и не так плохо. Сив почувствовала, как губы сами собой растягиваются в улыбке. Похоже, она знала, что делать.

– Мои вещи еще не привозили? – Сив снова сладко зевнула и потянулась. – Нет? Видимо, придется навестить дом Хакона.

Она поднялась из-за стола и направилась в конюшню, не дожидаясь ответа Лит.

Судя по всему, Советник Ньен любил лошадей. Нет, у Хакона тоже была страсть к этим животным, но Ньен его переплюнул. Сив медленно переставляла ноги, рассматривая питомцев Ньена: все они были как на подбор. Остановив свой

выбор на самой невзрачной лошадке, Сив вывела животное из стойла. Конюх мрачно взирал на нее из своего угла, но молчал.

– Будем надеяться, что Ньен не разозлится, – прошептала она кобылице, взбираясь в седло. Сив любила верховую езду, а уж с животными ладила много лучше, чем с людьми. Сделав небольшой круг и не заметив на горизонте Ньена, Сив помчалась в свой бывший дом.

Все было как и прежде. Мать Хакона кормила кур, а старый дед, скрючившись, сидел и о чем-то занудливо бубнил то ли курам, то ли своей клюке. Сив спрыгнула с лошади и бросила поводья мальчишке-конюху.

– Что приперлась-то? Али выгнали? – Дед, как обычно, больше всех «радовался» встрече с Сив.

– За вещами. И сына возьму погулять, дом свой новый покажу. – Сив кивнула родственникам Хакона и пошла в дом.

– Малыш спит еще. – Бывшая свекровь бросилась за Сив, но та и не думала останавливаться.

Двери в комнату Хакона были заперты. Новой жены видно не было, как и самого Хакона. Сив вошла в детскую и, склонившись над люлькой, поцеловала теплые щечки сына. «Просыпайся, Агне».

– Твои вещи отправили со слугой минут десять назад, вы, верно, разминулись. – Мать Хакона неловко стояла в дверях, сложив руки на груди.

Сив взяла сына из колыбельки. Еще сонный, мальчик тер глазки и недовольно кривился.

– Я привезу его к вечеру. – Не спуская с рук сына, Сив поспешно вытащила кое-какие необходимые детские вещи и запихнула в свою сумку.

– Твой новый муж не будет против ребенка? – с сомнением спросила бывшая свекровь.

– Моему новому мужу плевать. Он очень занят. Да и вообще, Агне не просто ребенок, он – сын Хина. Пусть только попробует сказать что-то против.

– А Хакон?

– Да верну я его к вечеру. Днем Хакон все равно редко дома появляется.

Бывшая свекровь кивнула.

– Пирожки возьмешь? Я утром пекла, с капустой.

Сив возражать не стала, пирожки она любила. Мать Хакона завернула еще горячие пирожки в тряпицу и сунула в руки девушки. Сив поблагодарила женщину и немедля покинула дом. Она сомневалась, что Хакон будет рад ее видеть. Лошадь медленно шла, а довольная Сив придерживала поводья одной рукой, время от времени целуя макушку сына, мусолящего пирожок. Какая распрекрасная погода! Что могло бы быть лучше?! Внезапно Сив чуть не свалилась на землю от резко нахлынувших воспоминаний. Алиса! Как же она могла забыть об их встрече? А еще над Ингом смеялась. Сив пустила лошадь в галоп, прижимая к себе ребенка. Совсем нет времени. Нужно всех предупредить. Мысли неслись быстрее кобылицы, пока она судорожно вспоминала обо всем, что говорила Алиса в их последнюю встречу.

– Лит! – заорала Сив, едва переступив порог.

– Что случилось? – встревожилась сестра Ньена.

– Собери детей и спрячьтесь в комнате без окон, нет времени объяснять. Забаррикадируй двери. – Сив сунула ей в руки Агне и бросилась во двор.

Алиса говорила, что молодые воины из кочевого племени, называющие себя Сынами Грома, тайно проникнут сегодня в Чернолесье. Чтобы пройти инициацию в собственном племени, им необходимо похитить чужую жену. И чем выше статус мужчины, чья супруга будет пленена, – тем лучше. Они уже шли за ней.

Сив выскочила во двор и подбежала к лошади, вытаскивая нож.

– Помоги мне, родная, – прошептала она. Девушка порезала собственный палец и провела кровавую полосу по морде лошади от правого века к левому. Лошадь тревожно заржала, раздувая ноздри. Сив покрепче перехватила поводья и сделала еще один небольшой разрез, теперь уже на ноге кобылицы. Животное дернулось, но Сив успела измазать пальцы в лошадиной крови. Она наскоро провела багряную полосу на своем лице. Издалека могло показаться, что Сив завязала себе глаза алой лентой, ведь красная полоса соединяла глаза. Дело сделано.

Сив помчалась обратно в дом, закрывая за собой дверь. Она с трудом сняла со стены тяжеленный меч Ньена, которым тот давно не пользовался. Так, нужно было встать слева от входа, как велела Алиса. И ждать. Сив закрыла глаза. Кровавая связь начала работать. Теперь Сив видела глазами лошади и могла нашептывать ей приказы. Кобылица отошла от дома и замерла чуть в стороне. Незнакомец! Вот он тихонько крадется вдоль ограды, сжимая в руке острый кинжал. Образы были немного размытыми, но Сив прекрасно понимала, что это – один из пришедших за ней Сынов Грома. Лошадь отозвалась на приказ и, резко выбросив задние ноги, со всей силы лягнула незнакомца. Готов! Сив от радости заплясала на месте. Ну и кто сказал, что в их мире девушке одной не выжить?! А вон и второй! Кобылица кинулась на него, но мужчина оказался ловок. Он перекатился по земле и швырнул в животное полено. Лошадь поднялась на дыбы и бросилась бежать. Связь ослабла. Плохо дело. Но Алиса говорила, что так может случиться. Значит, надо было считать. На счет «пять» Сив рубанула мечом сверху вниз, и мужчина, распахнувший в это самое время дверь, схватился за плечо, а после повалился на пол. Не теряя времени, Сив снова саданула его мечом по шее. Острие, противно чавкнув, увязло в человеческой плоти. Совсем еще молодой парнишка дернулся и затих. Его длинные черные волосы разметались по полу. Словно алые нарядные ленты, кровавые струи быстро оплетали шею и тело убитого.

Сив выдохнула. Алиса сказала, что их будет двое. Девушка поудобнее перехватила меч. Надо было выйти во двор и проверить второго – вдруг он еще жив. Сив осторожно переступила тело и замерла на месте, услышав топот несущихся лошадей. Слава богам, это был Хакон! Хакон спрыгнул с коня и бросился к дому Советника, одновременно вынимая меч.

– Вы целы? – выкрикнул он, завидев идущую к нему Сив.

– Да.

Хакон нахмурился, обратив внимание на кровавую полосу, перечеркивающую глаза Сив.

– Ты знала, что на дом нападут, – глухо произнес он.

– Да.

– Почему не сказала мне?

– Не успела. Но почему об этом не знал ты? Ты ведь тоже можешь предвидеть опасность. Или моя судьба тебя больше не интересует? – прошипела Сив, пытаясь стереть рукавом лошадиную кровь с лица.

– Эту ночь я не спал, да и предыдущую тоже. Ходил в дозор. Поэтому не мог увидеть предостерегающие сны.

Сив отшвырнула меч Ньена на землю.

– А как ты узнал, что здесь нужна помощь?

– Я за сыном приехал, увидел распахнутую дверь, тело во дворе у дома, потом тебя…

– Там второй еще в доме, – устало сообщила Сив. – Это Сыны Грома, пришли похищать жен. Ты бы лучше к себе съездил, свою проверил, мало ли что. Для них похитить жену Хина – достойнейший из подвигов.

– Нужно отправить отряды прочесать Чернолесье. А где Ньен?

Сив пожала плечами.

– Я вернусь за сыном, когда закончу дела. Больше не увози его без моего ведома, – пригрозил Хакон, запрыгивая на лошадь.

Сив знала, что спорить и возражать бесполезно. Ну ничего, она придумает что-нибудь еще. Глядишь, и новая жена Хакона сама с радостью будет сплавлять ей

Агне. Маленький ребенок, тем более неродной, – та еще головная боль. Если, конечно, Сыны Грома не успели выкрасть новую жену Хакона, пока он тут прохлаждался. В этом случае будет еще проще, а уговорить свекровь вообще не составит проблем, особенно когда Хакон будет в своих дозорах. Сив проводила взглядом удаляющегося парня, который мчался вперед, нещадно подгоняя коня, видимо, боясь за оставленную дома жену.

Нужно теперь попытаться убрать тела и успокоить Лит: она, наверное, очень испугалась. А куда запропастился конюх? Сив обернулась, выискивая глазами слугу, и оледенела от ужаса. Труп мужчины, которого лягнула лошадь, исчез. А был ли он мертв на самом деле? Она ведь так и не добила его, как советовала Алиса. Сив кинулась к небрежно брошенному на землю мечу Ньена, но было уже поздно. Бледный, одетый в неброскую серую одежду мужчина, с черными как смоль волосами и лицом, покрытым шрамами в виде молний, внезапно выскочил из-за ближайшего дерева и схватил ее за горло. Сив вцепилась ему в руки и попробовала вырваться, извиваясь и нанося ногами беспорядочные удары. Но Сын Грома был ужасно силен; удерживая Сив одной рукой, он мигом сорвал с собственной шеи мешочек и высыпал содержимое на лицо девушки.

«Это мерзко, – пронеслось в голове у Сив. – Сонные травы, я сейчас отключусь, и даже Алиса не увидит меня…»

Тьма тут же безжалостно поглотила ее в свое черное нутро, и она обмякла. Сын Грома немного пошатнулся: сломанные ребра давали о себе знать, но он смог удержать потерявшую сознание Сив. Подозвав свистом коня, спрятанного в стойлах Ньена, мужчина запрыгнул в седло, перекинув пленницу поперек туловища животного, и помчался во весь опор. Ему нужно было успеть покинуть Чернолесье прежде, чем поднимут по тревоге отряды воинов.

Глава 10. Серая дверь

Алиса писала объяснительную. Опоздала на целых сорок минут из-за их встречи с Матсом. Но этого ведь не напишешь начальству. А что тогда: заболела или проспала? Наверное, последнее лучше. К счастью, это было ее первое опоздание за все годы работы, но штрафа она все равно не избежала. Не уволили, и то ладно. Аккуратным почерком Алиса вывела «Не услышала будильник»

и поставила в нижнем углу число и подпись. Сойдет. Так, а теперь нужно было приступать к утренним обязанностям. В больнице уже вовсю кипела жизнь. Алиса открыла почту, проверяя записи пациентов, которых необходимо было сегодня принять и занести их данные в систему.

– Ну наконец-то ты пришла, – окликнул ее молодой терапевт по имени Роберт.

Алиса робко улыбнулась и виновато развела руками.

– Вот, – Роберт кинул листок на стол Алисы, – мои пациенты. Очень важные. Сегодня их нужно записать на МРТ, обоих.

– Но запись ведется на неделю вперед, – попыталась возразить девушка.

– Проведи как срочников, подвинь кого-нибудь, переставь на другой день, в конце концов. Разве это нерешаемо? Все организовывать – твоя работа. А у меня обход, – махнул ей Роберт и поспешил удалиться, напоследок выразительно постучав пальцем по лбу, мол, думай.

– Ну как обычно, – пробурчала Алиса, разглядывая листок, брошенный ей Робертом. – Вот получу диплом и уволюсь, – заявила она стоящему у ноутбука кактусу.

Роберт, конечно, был красив и обаятелен, но частенько вел себя как сущая скотина, но тем не менее всегда выходил сухим из воды благодаря собственной наглости и отсутствию даже малейшего намека на совесть. А вот Алисе везло далеко не всегда. Такая уж у нее была работа. Ведь в большинстве конфликтов между пациентами и врачами в конечном итоге виноватым оставался администратор. Особенно если это был тихий и незаметный человек, по крайней мере, старающийся таким казаться.

Природа не наделила Алису ни эффектной внешностью, ни острым умом. Обычная, как говорила о ней покойная мать. Все верно. Алиса – обычная девушка среднего роста и непримечательного телосложения, не худая и не толстая. Волосы средней длины русого цвета, глаза – серые, одежда – неброская. Знала бы мама, как с раннего детства Алиса изо всех сил пыталась не выделяться, пыталась сливаться с толпой. С тех самых пор, как осознала, что к ней одной приходят невидимые друзья, дороги судьбы которых прячутся за разноцветными

дверями в таинственном месте, добраться до которого можно только через сны.

Но сегодня она повстречала Матса, а это в корне меняло дело. Алиса перевернула листок Роберта и набросала на обратной стороне:

• Алиса и Матс (мир первый)

• Сив и Хакон (мир второй)

• Инг и Шу (мир третий)

• Йен и Иви? – В одном ли они мире существовали?

«Про последнее надо уточнить у Матса, – подумала Алиса, покусывая кончик карандаша. – Каждая пара состоит из парня и девушки. Но это не семейные пары. Хотя… Они все, так или иначе, связаны друг с другом. Но каким образом и почему? Существовала ли какая-нибудь закономерность? По всей вероятности, наши миры существуют параллельно, я, по крайней мере, не находила сходства с каким-либо известным историческим периодом. Мир Инга похож на прошлое одной из стран моей реальности, но такой разрухи, как ее описывает Инг, там и в помине не было. С другой стороны, их небо точь-в-точь как наше: все те же луна и звезды, но города-технологии-обычаи – совершенно другие, да и природа немного отличается. Нужно еще раз поговорить с Матсом, но уже не торопясь и все тщательно обдумав».

Алиса сунула листок в карман и, помянув Роберта добрым словом, принялась решать ребус: как распределить пациентов, врачей, время и процедуры, при этом оставив всех довольными. Невозможно!

Уже порядком стемнело, когда Алиса наконец-таки смогла разделаться почти со всей накопившейся работой, – за этот день, разумеется, – и, захлопнув ноутбук, поднялась из-за стола. Хорошо, что сегодня хоть в университете не было занятий.

После окончания школы Алисе сразу же пришлось устраиваться на работу, потому что мама умерла от рака, а со своим отцом она и вовсе не была знакома,

даже имени его не знала. Он вроде как был женат или нечто подобное. Мать упорно избегала этой темы до самого конца. Год назад Алисе удалось поступить в университет на вечернее отделение. Больше всего ее интересовала психика человека. Возможно, тем самым она пыталась разобраться в себе и решить собственные проблемы, Алиса не знала точно. Сначала она хотела идти учиться на психиатра, но оказалось, что это возможно лишь в очной форме, пять дней в неделю с самого раннего утра. Такой график Алиса никак не могла совмещать с работой, поэтому ее выбор пал на психологию. Очно-заочная форма. Занятия проходили три раза в неделю по вечерам в будние дни, а еще в субботу.

Больница опустела, в холле больше не толпились люди, лишь из палат доносились приглушенные голоса да тускло светили лампы в коридорах. Дежурные врачи попрятались в своих кабинетах, а медсестры тихонько смотрели в сестринской какой-то сериал. Инг сегодня больше не приходил, хотя ему нравилось бродить, словно призрак, по больнице Алисы, восхищаясь оборудованием и невиданными технологиями. Видимо, не смог урвать часок для сна. Алиса помахала охране и вышла на улицу.

Город уже зажигал огни и неоновые вывески. Девушка не торопясь шла до станции, разглядывая витрины магазинов. Мысли все время крутились вокруг Матса, снов и «подопечных». Алиса вытащила из кармана салфетку с написанным на ней номером Матса и листок Роберта, весь исчерканный разнообразными схемами и умозаключениями Алисы. Позвонить сейчас? Или позже? А может, просто написать сообщение? Алиса вбила номер в память телефона и тут же набрала: в сущности, не было разницы, сейчас она позвонит или потом. Но Матс не взял трубку. Досадно. Алиса, вздохнув, побрела дальше.

На улице было пустынно: только усталый продавец с тележкой вареной кукурузы да какой-то мужчина в серой куртке, натянувший на глаза капюшон и уткнувшийся в экран своего телефона, встретились ей на пути. Алиса купила себе початок, хотя знакомые медсестры неоднократно пугали ее историями о том, как опасна уличная еда, особенно продающаяся вдоль дороги. Да и плевать, зато вкусно. На станции народу было побольше, ведь только что прибыл поезд. Алисе пришлось сунуть кукурузу в рюкзак, а жаль, скромный ужин остынет к тому времени, как она приедет домой, но в вагоне есть воспрещалось. Девушка опустилась на свободное место и снова занялась изучением своих записей о параллельных мирах и прочих гипотезах.

Сорок минут спустя поезд добрался до пункта назначения. Станцию освещал яркий, но одинокий фонарь. И на что только идут налоги? Алиса вышла из вагона и поежилась: ночь обещала быть холодной. Не забыла ли она, уходя, закрыть в комнате окно? Спальный район, в котором проживала Алиса, красивым не назовешь – сплошные серые многоэтажки да типовые детские площадки. Пара продуктовых магазинов, спортивный комплекс с бассейном. Ничего особенного. Девушка шла привычной дорогой, борясь с желанием достать кукурузу из рюкзака и начать ее грызть прямо на улице. Сегодня выдался напряженный день, и она так и не успела толком пообедать.

Краем глаза Алиса заметила, что за ней следовал все тот же мужчина в серой куртке и с телефоном в руках. Странный тип, а его скрытое тенью капюшона лицо невозможно было разглядеть. Не то чтобы она страдала манией преследования, но этот человек шел за ней от самой больницы. По спине пробежал неприятный холодок, и Алиса ускорила шаг. Дурацкий Инг! И зачем только он на прошлой неделе пересказал ей сюжет прочитанного им детектива о маньяке, промышляющем на окраинах города под покровом ночи? А вот и дом. Во многих окнах горел свет, но уверенности это почему-то не прибавляло. Заходить в подъезд было страшно. Вдруг незнакомец бросится за ней, выхватив удавку из-за пазухи? А кругом, как назло, ни души.

Алиса вытащила из кармана телефон и набрала Матса. Все-таки он был полицейским. Снова напрасно. А правильный ли номер он ей дал? Нет, это уже паранойя разыгралась. Алиса опрометью вбежала в подъезд и ткнула кнопку вызова лифта.

«Пожалуйста, шевелись», – молила она, пристально следя за цифрами, отсчитывающими этажи. 4… 3… 2… 1. Дверь в подъезд хлопнула, но девушка успела запрыгнуть в лифт и нажать кнопку закрывания дверей. А что, если сейчас, как в фильмах ужасов, в щель между дверными створками просунется мужская рука и с силой разожмет их? Алиса нервно сглотнула. Но лифт, издав противный скрипящий звук, медленно пополз вверх. Главное, чтобы этот тип не обладал суперспособностью быстрого преодоления лестничных пролетов, а то глядишь – он уже примчался на восьмой этаж, обогнав лифт, и ждет ее у квартиры с милой улыбкой… и удавкой… Чертов Инг и его страшилки.

Когда двери открылись, Алиса сперва осторожно осмотрелась, и только потом вышла из лифта. Никого. Ее руки тряслись, пока она поворачивала в замочной скважине ключ. Скорее бы оказаться дома под теплым уютным одеялом.

Девушка распахнула дверь и чуть не умерла от страха: посреди комнаты стоял мужчина. Алиса заорала как сумасшедшая и швырнула в него рюкзак, но тот пролетел сквозь силуэт и упал на пол, а несчастная кукуруза одиноко покатилась по полу. Тьфу! Это был всего лишь дурацкий Инг. Алиса заперла за собой дверь и выдохнула. Вот ведь бывает!

– Чего орешь? – нахмурился Инг, с сожалением глядя на кукурузу, ведь он не мог взаимодействовать с предметами из мира Алисы.

– Ты до смерти меня напугал, – выругалась девушка. – Встал тут посреди комнаты!

– Разве я виноват? Я не выбираю место, где появляться. Видимо, задремал. Со сном у меня какая-то беда…

Но речь Инга прервала трель телефона, который Алиса по-прежнему сжимала в руке. Матс.

– Алиса? – после секундной паузы осторожно спросил он.

– Да, – отозвалась девушка.

– Хорошо, а то я уже боялся, что ты не позвонишь.

– Почему тогда не отвечал? Я звонила дважды.

– Был занят. Что-то стряслось?

– Матс, мне кажется, меня преследуют. – Алиса скинула ботинки и показала кулак Ингу, пытающемуся встрять в разговор.

– Хочешь, приеду? – Голос Матса прозвучал как-то глухо.

– Приезжай.

Алиса назвала свой адрес и положила трубку.

– Это что, новая грань отчаянья одинокой девушки? – Инг сел на диван и недовольно поморщился. – Заманиваешь к себе молоденького мальчишку на ночь глядя, прикинувшись жертвой преследования?

– Я не прикидываюсь, за мной правда шел по пятам какой-то незнакомец.

– Но Матс – тоже незнакомец. Ты с ним только утром познакомилась, – напомнил Инг.

– Он полицейский, и у нас одно безумие на двоих. – Алиса подняла кукурузу с пола и, огорчившись, выбросила в мусорное ведро.

– Алиса, я не знаю, надолго ли пришел, поэтому скажу сразу: посмотри сегодня ночью мои пути. Ты давно в мою дверь не заглядывала, – попросил Инг.

Она кивнула и взяла его за руку.

– Почему ты кажешься мне настоящим, хотя сквозь тебя проходят предметы, словно ты – призрак?

– Хотелось бы мне знать. – Инг сжал ее пальцы. – Интересно, если я буду яростно колотить кого-нибудь из твоего мира, он это почувствует или нет? Может, хотя бы головную боль? Где, говоришь, остался тот подозрительный тип?

– Последний раз я видела его у своего подъезда, он чуть отстал и держался от меня на расстоянии. Серая куртка, темные штаны, на голове капюшон.

– Схожу, посмотрю.

Инг направился к окну и проскользнул сквозь стекло. Алиса выглянула на улицу, но ни Инга, ни кого бы то ни было другого там уже не увидела.

Матс приехал через час, сообщив, что с ним была Иви. По словам Матса, она никак не отреагировала на Алису, только села в уголок и увлеченно приступила к созданию различных иллюзорных миленьких зверюшек, которые иногда отвлекали Матса. Иви на вид было лет пятнадцать, и она практически не шла на

контакт ни с Матсом, ни с другими его подопечными. Так похоже на Йена, вот только он казался более нервным и всех боялся, а Иви же спокойно занималась своими делами.

Матс и Алиса проговорили до самого утра. Он начертил план своего острова, как мог объяснил, что видит, когда заглядывает в норы. Рассказал о своем детстве, о том, что первым к нему пришел Хакон, чуть позже – Шу, а затем появилась Иви. Он связывал это с их возрастом, поскольку Иви выглядела младше всех, в то время как Хакон был практически ровесником Матса. Алиса в свою очередь нарисовала на листке поляну с деревом, двери, лес и поведала о своем опыте общения с «подопечными». Общими усилиями они выяснили, что Иви и Йен существовали в одной реальности, но понять, были ли они знакомы друг с другом или нет, оказалось непросто.

Во время беседы Алиса постоянно испытывала дежавю, ей казалось, что она знает Матса уже очень давно, почти так же давно, как Инга и Сив – ее единственных верных друзей, жаль, что потусторонних.

Это была странная ночь, но в то же время невозможно чудесная. Утром Матс проводил Алису до станции и пообещал передать патрульным ее района опасения девушки по поводу странного мужчины в серой куртке, чтобы те проверили камеры, установленные практически на каждом городском здании, и идентифицировали личность возможного преследователя.

Иви не исчезла даже к утру. Матс поведал, что она находится с ним большую часть суток и лишь изредка покидает его.

Голова у Алисы гудела, она практически никогда не проводила ночи без сна, но оно того стоило. Увы, она так и не успела посмотреть дороги Инга, – он может обидеться. Да и Сив внушала определенные опасения. Небо затянуло тучами, мелкий дождь, подхваченный ветром, противно хлестал в лицо. Алиса поспешила войти в вагон и махнула на прощание рукой Матсу, который уже направлялся к переходному мосту, чтобы попасть на другой поезд. Но парень жеста Алисы не заметил, по его губам было заметно, будто он разговаривает сам с собой. А может, с «подопечными»? Поезд резко тронулся и начал набирать скорость, оставляя Матса далеко позади. Алиса села на пустующее место и прикрыла глаза. Успеет ли она вздремнуть?

Глава 11. Красная дверь

Сив с трудом разлепила глаза и осмотрелась. Она лежала на циновке в небольшом шатре, цветастая плотная ткань которого заменяла и потолок, и стены. Ее руки были крепко связаны за спиной. Рядом с ней, сгорбившись, сидела молодая женщина, которая увлеченно что-то мастерила из пряжи, не обращая внимания на пробуждение пленницы. Сив попыталась высвободить руки, но веревки слишком туго скручивали запястья.

– Ты очнулась, – констатировала женщина, отложив рукоделие и повернувшись к Сив. – Лежи смирно. Я освобожу тебя, когда мне велят это сделать.

– Кто велит? – прохрипела Сив, во рту у нее ужасно пересохло.

– Сыны Грома. Ты теперь принадлежишь им. Впрочем, как и я.

– Что со мной будет?

– Ты была похищена после ночи Круговорота Жизни. В течение месяца будешь находиться под моим присмотром, я буду о тебе заботиться. Как только пройдет обозначенный срок, целительница племени осмотрит тебя: если твой новый муж из Чернолесья успел подарить тебе ребенка, Сыны Грома позволят ему родиться, а после принесут его в жертву Богу Грома, ты же станешь рабыней, как это случилось со мной, – грустно улыбнулась женщина.

– А если я не беременна? – осведомилась Сив, памятуя о том, как в ночь Круговорота Жизни Ньен отправил ее спать в гордом одиночестве.

– То в жертву принесут тебя. Таковы законы племени.

– Ты должна мне помочь, – испуганно зашептала Сив. – Я вспомнила тебя. Ты была похищена Сынами Грома лет восемь назад. Давай придумаем, как нам вместе сбежать поскорее.

– Я не хочу возвращаться. Моего первого ребенка принесли в жертву: я успела забеременеть в Ночь Круговорота Жизни. Это был мальчик.

– Не понимаю, ты ведь должна их ненавидеть, – возмущенно перебила ее Сив.

– Но потом у меня родились другие дети. – Женщина снова взялась за пряжу. – Уже от Сынов Грома. Мальчик и девочка. Хоть я и рабыня, но моих детей здесь любят и оберегают. Считается, что полукровки гораздо сильнее чистокровных Сынов Грома, поэтому выкрасть женщину из Чернолесья для них большая честь. А я… я живу ради своих детей, не хочу их терять, ведь в Чернолесье моих ребятишек не примут, а здесь мне позволяется о них заботиться, видеть, как они растут. И потом, не могу сказать, что в племени Сынов Грома мне живется хуже, чем дома, в родном Чернолесье, – пожала плечами та и продолжила переплетать нити.

«А вот меня здесь ждет незавидная участь – быть принесенной в жертву Богу Грома», – с отчаяньем подумала Сив, вслух же сказала:

– Сыны Грома не боятся, что сюда нагрянут воины из Чернолесья и спасут меня?

Женщина насмешливо изогнула бровь и фыркнула:

– Да хоть раз такое было? Что-то я не припомню. Отважные мужчины Чернолесья не очень-то стремятся воевать в диких землях с племенами кочевников, тем более из-за какой-то там женщины.

У Сив не нашлось, что ответить. Да, все верно. Хакону, а уж тем более Ньену, она была не нужна. Отца не имела. А больше никому и в голову не придет рисковать ради нее собственной жизнью, пытаясь разыскать ее в диких землях, чтобы вернуть домой. Придется надеяться только на себя. И Алису.

– Рано горевать. Пить хочешь? – Женщина протянула Сив кружку воды. – Меня все здесь зовут Мана. А к тебе как обращаться?

– Сив. – Она неуклюже отпила из кружки, ведь со связанными руками это было довольно непросто сделать. – Скажи мне, Мана, кто в племени Сынов Грома самый главный?

– Не знаю, что ты задумала, но вряд ли тебе это удастся. Всем здесь заправляет старейшина племени, злобный жестокий старик Ангун. Единственная вещь на

свете, которая приносит ему удовольствие, – это принесение человеческих жертв Богу Грома. Вот так-то.

«Значит, самым главным человеком в племени Сынов Грома был престарелый любитель кровавых зрелищ, – подумала Сив. – Что ж, кажется, я могу это устроить».

Сив опустилась спиной на циновку и принялась рассматривать узоры на ткани шатра. Мана сообщила, что у нее есть месяц до осмотра целительницы. Неплохо. Достаточно времени для того, чтобы придумать план побега и просчитать все шаги наперед, полагаясь на помощь Алисы.

– А скольких женщин удалось похитить из Чернолесья Сынам Грома в этом году? – решила уточнить Сив.

– Только тебя. Уходило шесть воинов, вернулся один. Видимо, остальные убиты. – Мана невозмутимо продолжала возиться с пряжей.

Сив хотелось еще порасспрашивать словоохотливую Ману, но в это время занавеска, служившая дверью, распахнулась, и в шатер вошел рослый мужчина. Его черные волосы были заплетены в три толстые косы, а суровое лицо потемнело от длительного нахождения под солнечными лучами. Весь его вид производил на Сив какое-то гнетущее впечатление. Он бросил на связанную девушку оценивающий взгляд и велел Мане:

– Приведи ее в порядок. Ангун желает посмотреть, что за женщину выкрали из Чернолесья. На закате пусть будет готова.

Мана покорно кивнула.

– Если будет вести себя плохо, я жду снаружи. Зови, помогу усмирить, – прорычал Сын Грома, снова взглянув на Сив, и покинул шатер.

– Не бойся, они пока не причинят тебе вреда. – Мана помогла Сив сесть и развязала руки. – Познакомишься со старейшиной Ангуном. А завтра мы отправимся в путь вместе с племенем. Уже вовсю идут приготовления. Сыны Грома редко задерживаются на одном месте.

– Мана, ты должна мне помочь, – прошептала девушка, разминая затекшие руки. – Ты ведь тоже мать. В Чернолесье меня ждет сын. Совсем кроха.

– Ничего не выйдет. Даже если отпущу тебя, то ты не выживешь одна в диких землях. Как ты собираешься добраться до Чернолесья? Туда два дня пути верхом.

– Где вы содержите лошадей?

– Сейчас они отдыхают в специальном загоне, набираются сил. Но никто не позволит тебе выкрасть коня. Если же тебе это и удастся, пропажу быстро заметят, пошлют погоню. А ты одна, без оружия. – Мана успокаивающе провела рукой по волосам Сив. – Я понимаю твой страх, сама была когда-то на твоем месте. Но лучшая стратегия – это покорность. Поверь мне.

Пленница понуро опустила голову. Завтра ее увезут еще дальше от Чернолесья, а значит, времени осталось не так много, как она думала.

– Я сейчас схожу за водой, чтобы умыть тебя, а ты пока поешь. – Мана поставила перед девушкой корзину с хлебом и сыром. – Но даже не думай выходить из шатра, у входа дежурит один из Сынов Грома.

– Ты мне все равно поможешь, Мана, – сквозь зубы процедила Сив и, словно кошка, запрыгнула, на женщину, повалив ту на пол и зажав рот рукой. Мана брыкалась, но Сив была крепче, сильнее. Она выхватила шпильку, скрепляющую ее густые волосы, и до крови расцарапала щеку Маны. Не теряя времени даром, девушка проделала то же самое и с собственным лицом. Сложно. Создавать кровавую связь с человеком намного сложнее, чем с животным, но ей нужно было постараться. Сив размеренно дышала и не отрываясь смотрела в широко распахнутые от страха глаза Маны.

– Успокойся и молчи, – велела она ей, подстраиваясь под каждый вдох-выдох женщины, сливаясь с дыханием, улавливая ритм сердцебиения, чувствуя кожей, каково это – быть Маной. Сив провела пальцем по собственной царапине и перечеркнула кровавой линией глаза женщины. – Покажи мне все, а после спи, – прошептала Сив, прижимаясь лбом ко лбу Маны. Вот они. Лошади. Стоят немного в стороне от шатра Сив, в загоне, смастеренном из гибких прутьев. Рядом вырытый Сынами Грома небольшой колодец. Что ж, это будет несложно.

– Кровавый морок, накрой словно полог, – чуть нараспев произнесла Сив и слизнула каплю крови со щеки Маны. Готово. Минут на десять должно было хватить, а большего и не требовалось. Сив вскочила на ноги, стащила платье с заснувшей женщины и натянула вместо своего изорванного и пыльного одеяния: укравший ее Сын Грома в пути обращался с ней не очень-то бережно. Чуть длинновато, но сойдет. Надо поторапливаться. Девушка схватила стоящее неподалеку ведро и выскользнула из шатра.

– Принесу воды, – тихо и как можно более смиренно произнесла она, обратившись к воину, караулящему у входа.

Тот кивнул и отвернулся. Кровавый морок придавал ей внешнее сходство с Маной, но нужно было успеть дойти до колодца прежде, чем он развеется. Сив чувствовала, как внутри нее нарастают беспокойство и страх. Какой импульсивный и безумный план! В этом была вся Сив. Сначала делает, потом думает. Нужно было все-таки дождаться ночи и посоветоваться с Алисой, а не спешить, идя на поводу у собственных сумасшедших идей. Колодец. Лошади. Сив отшвырнула ведро и перелезла через ограду в загон к животным. Хоть бы никто не заметил. Она сжала в руке шпильку и разорвала связь с Маной. Теперь отступать было поздно.

Первым беспокойство лошадей заметил мальчик, играющий неподалеку с резвым щенком. Он закричал, призывая взрослых.

– Что такое? – окликнул его отец. – Бешеная лисица напала на лошадей?

Но это была не лисица. Сив старательно измазала свое лицо лошадиной кровью и что было мочи заорала: «Ангун!» Животные вторили ей тревожным ржанием. Сив вскочила на одну из них и перемахнула через ограду. Остальные лошади последовали за ней. Сыны Грома не растерялись и, наспех вооружившись мечами и копьями, поспешили наперерез девушке.

– Если я умру, умрут и ваши кони, – закричала Сив, мысленно отдав приказ животным.

Стадный инстинкт был весьма силен у лошадей, потому Сив было несложно одновременно контролировать практически всех.

Лошади одновременно с жеребцом Сив начали ритмично перебирать копытами в неистовом танце. Земля задрожала, пыль взвихрилась в воздух, серым облаком окутав табун. Руки Сив кровоточили от множества нанесенных шпилькой порезов, – следов кровавых связей с лошадьми Сынов Грома, – но она только крепче цеплялась за гриву жеребца: упасть сейчас с коня – все равно что подписать себе смертный приговор.

– Ангун! – снова воскликнула она, пытаясь перекричать гул, сопровождающий топот копыт.

Дряхлый старик вышел из-за спин Сынов Грома и поднял руку, приветствуя ее. Сив приказала лошадям встать смирно.

– Ваши кони под моей властью. Убьете меня – умрут и они, – вновь повторила Сив уже более спокойным тоном.

– Не слыхивал, что в Чернолесье обитают ведьмы, – проскрипел старик, тряся головой.

– Без лошадей твое племя кочевников погибнет, – зловеще улыбнулась Сив.

– Чего же ты хочешь? – Ангун прищурился, отчего его морщинистую кожу вокруг глаз расчертили глубокие складки, напоминающие русла иссохших рек.

– Отпусти меня. Дай коня, еды, воды да лучшего воина, чтобы меня охранял, тогда я разорву связь. Ваши лошади будут свободны.

– С ведьмами шутки плохи, – кивнул Ангун, поморщившись еще сильнее. – Меньше всего мне хотелось бы оставить владеющую тайнами крови в своем племени, разрази тебя гром. А пролить твою кровь означает накликать на племя проклятье. Я выполню твои условия.

– Ты и выбранный тобой воин принесете мне кровавую клятву верности, – велела Сив. – Измажь губы и язык собственной кровью и поклянись, что я доберусь до Чернолесья живой и невредимой. Не сдержишь слово – сгниешь заживо. Ну, давай же!

Ангун что-то прокряхтел, почесывая нос, и ткнул рукой в мужчину, того самого, что ранее охранял шатер Сив и Маны.

– Собирайся в дорогу. Увози ее отсюда немедленно.

Воин кивнул и поспешил к одному из шатров. Ангун же вытащил из-за пояса кривой клинок, сделал на губе надрез и, повернувшись к Сив, проговорил:

– Отпускаю тебя, ведьма. Возвращайся домой. Но помни: кровавая магия самая опасная вещь в мире, и из-за нее ты еще наплачешься. Будь разумной.

– Да что тебе известно о силе и тайнах крови? – выплюнула Сив. – Скольких невинных детей и женщин ты с радостью принес в жертву своему кровожадному богу? Земля давно пропиталась их кровью. Не мне стоит бояться расплаты, а тебе. Настанет день, когда твой Бог Грома прольет на племя кровавый дождь, ибо таков круговорот жизни. Что посеешь, то и пожнешь.

– Замолчи! – Ангун вскинул руку, но конь Сив встал на дыбы.

– Боишься? И правильно! – засмеялась она.

Воин, выбранный Ангуном, уже направлялся к Сив. Она спешилась с коня только после того, как мужчина принес ей кровавую клятву верности. Девушка внимательно следила за тем, как он готовит для поездки двух лошадей.

«Я смогла! Сама! – думала Сив. – Я скоро буду дома». Когда приготовления были окончены, Сив велела воину:

– Поедешь впереди, я следом.

Тот лишь кивнул в ответ, но в его глазах вспыхнула ненависть, скрыть которую он и не стремился.

– Ты клялся на крови, – на всякий случай напомнила Сив. – Если я умру, то прихвачу с собой на тот свет и тебя, и Ангуна.

Мужчина ударил хлыстом лошадь и помчался вперед, и Сив не оставалось ничего, кроме как последовать его примеру.

Целый день они провели в пути, делая лишь небольшие передышки. Сив не пыталась заговорить со своим спутником, воин тоже хранил зловещее молчание. Уже стемнело, и яркие звезды, словно искры далекого костра, прожигали темно-синее небо. Ущербная луна медленно ползла по небосклону, тускло освещая всадникам путь. Сив чувствовала, что еще немного, и она упадет с коня замертво. Некоторое время она ехала, стиснув зубы, и всеми силами пыталась гордо держаться в седле, но надолго ее не хватило.

– Все! Мне нужен отдых, – выкрикнула она.

– Сначала доберемся до безопасного места. Осталось немного, – не оборачиваясь, ответил ей Сын Грома.

Наконец-то он остановил свою лошадь и спешился. Сив с трудом спустилась на землю, все ее тело болело, а порезы кровоточили.

– Мы можем развести огонь? – поинтересовалась она, делая глоток из фляжки. – Я замерзла.

Мужчина промолчал.

– Ну так что?

Сын Грома подошел к ней и выхватил фляжку из ее рук.

– Ангун – глупец, – прошептал он, стискивая Сив в объятиях.

– Ты что себе позволяешь? – воскликнула девушка, пытаясь вырваться.

– Как что? Спасаю племя. – С этими словами Сын Грома оторвал Сив от земли и что было мочи швырнул вперед.

Она закричала, ощущая, что проваливается в глубокую яму, до этого умело замаскированную ветками. Приземление оказалось довольно болезненным. Сив

распахнула глаза и увидела над собой все ту же луну и смеющегося мужчину, что стоял у самого края ямы.

– Охотничья ловушка, – сообщил тот, заливаясь хриплым смехом. – Я сам вырыл ее несколько дней назад.

– Если я умру… – простонала Сив.

– Можешь не продолжать. Я достаточно знаю о кровавых связях, чтобы понимать, что к чему. Я увез тебя достаточно далеко от племени, чтобы ты была не в силах контролировать лошадей Сынов Грома. Возможно, и наша кровавая связь ослабнет, как только я вернусь в свое племя. Если же нет, то моя смерть и смерть Ангуна станут достойной платой за спасение Сынов Грома. Уж не думала ли ты, что мы позволим Кровавой Ведьме вернуться в Чернолесье? Ты слишком много знаешь и умеешь, чтобы безнаказанно жить среди наших врагов.

Сив стиснула зубы, стараясь взять воина или стоящих неподалеку лошадей под контроль, но была слишком изранена, а кровавые нити рвались одна за другой.

– Ты вернешься за мной, – прошипела девушка. – Все мужчины боятся боли и смерти. Кровавая клятва не ослабнет, и уже через час ты начнешь гнить заживо за свое предательство.

– В таком случае я попрошу принести меня в жертву Богу Грома во славу племени, – крикнул тот и швырнул в Сив пустую флягу. – А ты умрешь во славу собственной глупости и огромного самомнения.

Он снова расхохотался и ушел, оставив Сив одну на дне глубокой холодной ямы.

«Что я наделала, Алиса», – прошептала Сив, чувствуя, как теряет сознание. Только бы суметь добраться до поляны с деревом.

Глава 12. Фиолетовая дверь

Инг стоял у плиты и жарил яичницу, когда на кухню, зевая, вошла Шу. Парень с горечью отметил, что сестра опять напялила штаны. Ему не очень нравился своеобразный стиль Шу, в котором постоянно сквозила некая андрогинность. Не совсем женственная, но и не мужская одежда, тем не менее, очень ей шла. Сегодня она надела темно-коричневые брюки и кремовую рубашку, у которой закатала до локтей рукава и приподняла ворот. Волосы Шу заплела в небрежный колосок, перевязав кончик кожаным шнурком. Завершали образ массивные часы Инга, тускло поблескивающие на левом запястье. Их подарил Ингу в день зашиты диплома его приемный отец, Адэр Мольен.

«Только бы не разбила», – подумал Инг, но вслух сказал другое:

– Я вчера вернулся с работы, а ужина нет, как, впрочем, и тебя. Ничего не хочешь рассказать?

– Я вернулась не поздно, девяти еще не было. Ты уже спал в кресле и дико храпел. Кстати, спасибо за приготовленную картошку с мясом. Из тебя вышла бы отличная жена. – Шу улыбнулась, указав рукой на цветастый передник, который повязал Инг, в нем он выглядел чертовски мило.

– А из тебя – нет. Где ты, собственно, пропадала? – Инг поставил на стол тарелку с подгоревшей яичницей и сел, не сводя с Шу пытливого взгляда.

Девушку это позабавило.

– О господи, Инг! Неужели ты собираешься читать мне нотации?

– Я ведь твой брат.

– Серьезно? – Шу изогнула бровь, потом порылась в кармане брюк и достала сережку. – На, отдай Кэти, она ее на раковине забыла. И скажи, что не обязательно красться в ночи, как таракану. Я уже не ребенок и все понимаю.

– Хорошо. – Инг забрал сережку из рук Шу, почувствовав, что заливается краской.

– Но, – Шу грозно смерила Инга взглядом, – долго ли тебя это будет устраивать?

– Что именно?

– Кэти замужем. А разве ты не хочешь завести собственную семью, детей? Ты вообще задумывался хоть раз о женитьбе?

Выражение лица Инга мгновенно стало непроницаемым, и он торопливо отвел глаза, словно опытный игрок в покер.

– Некоторым людям хватает личной свободы и возможности заниматься любимым делом, – спокойно ответил он, пожимая плечами и упорно избегая зрительного контакта с Шу.

– Настоящий мужчина должен хотеть иметь наследника, а лучше нескольких. Ты уже не в том возрасте, чтобы коротать ночи с кем придется, – вспылила она.

– Настоящий мужчина? Наследники? Не припомню, чтобы я вбивал тебе в голову подобные бредни, – недобро рассмеялся Инг. – Монахини постарались, да? Почему же они тогда не потрудились объяснить, как положено себя вести благовоспитанной девушке? А? За собой бы следила лучше, вместо того чтобы диктовать, как мне жить, малявка.

Шу возмущенно распахнула рот, не в силах выдавить ни звука. На кухне повисла неловкая тишина, воздух так и потрескивал от напряжения, словно перед надвигающейся грозой. Сдув со лба выбившуюся прядь, девушка резко схватила брата за ворот рубашки и, прежде чем он успел среагировать, со всей силы укусила его за нижнюю губу. Инг отшатнулся, зажимая рот рукой.

– Ты что, совсем сдурела? – прошептал он и попытался встать из-за стола, но сестра ловко ухватила его за рукав.

– Это за малявку. – Попытавшись обуздать эмоции, клокочущие у нее внутри подобно кипящему бульону, Шу улыбнулась, но вышло как-то криво и неискренне. – Ну прости, я не подумала. Не уходи, пожалуйста, ешь свой завтрак. Ты ведь знаешь, какой импульсивной я бываю. Прости, прости. – Она вздохнула, зачем-то протянула изумленному Ингу солонку и миролюбиво продолжила: – Между прочим, я вчера не развлекаться ходила. Сначала заехала в школу, забрала свои вещи и договорилась с настоятельницей, чтобы мне позволили сдать выпускные экзамены, при этом не посещая больше ни одного

занятия. Потом зашла в другое место и устроилась на работу. – Шу победоносно замолчала, оценивая степень изумления Инга по его перекошенному лицу.

– Что за работа? – пробормотал он, возвращая ей солонку и по-прежнему не отрывая одну руку от пульсирующей болью губы. Во рту ощущался соленый привкус крови. Сумасшедшая.

– Кондитер!

Взрыв хохота Инга заставил Шу обиженно нахмуриться.

– То есть ты всю жизнь твердишь мне о карьере в военной отрасли, а потом – бац! – и становишься пекарем? – вытирая выступившие от смеха слезы, поинтересовался Инг.

– Кондитером.

– С чего вдруг? Будешь сыпать врагам в пирожные мышьяк? Ой, хватит, не смеши меня, и так губа из-за тебя болит. Добить решила?

– Инг, – негодовала Шу. – Я думала, ты обрадуешься. Девчонки же любят сладкое. Да его все любят! Я записалась на обучающие курсы к Марии, которые проходят в ее кондитерской. Она давно ищет помощницу. Мария очень милая и добрая. – Произнеся последние слова, Шу смутилась, вспомнив красавицу Марию, аккуратно раскладывающую на витрине пирожные. Вот кто стал бы идеальной женой.

Инг снова рассмеялся и, встав со стула, зажал Шу в удушающих объятиях.

– Да перестань, – попыталась вырваться Шу. – Ты весь пропах духами Кэти.

– Вечно тебе все не так, то лекарствами воняю, то Кэти. – Инг нарочно взъерошил волосы Шу. – На работе приму душ. Мне пора. Боюсь, если проведу с тобой наедине еще хотя бы минуту, то ты доведешь меня либо до сердечного приступа, либо до умопомешательства, либо еще как-нибудь травмируешь, бешеная обезьянка.

– Смотри, чтобы муж Кэти не настучал тебе по башке. Он такого коротышку, как ты, пришибет одним ударом, – парировала Шу, злобно нахмурившись. Обезьянка! Дурак Инг.

– Если ты меня не сдашь, то все будет в порядке. – Инг снял передник и аккуратно повесил на стул.

– Я-то не сдам, но насчет других не уверена, – озабоченно ответила Шу, стараясь не смотреть на припухшую губу брата. Кэти это явно не понравится. И о чем она только думала, когда кусала его?

– Я со всем разберусь, не переживай. Жду не дождусь твоих тортиков.

На лице Инга заиграла довольная полуулыбка. Он всегда переживал из-за того, что Шу ведет себя, как мальчишка, обвиняя во всем отсутствие в ее жизни матери и собственное неумение дать ей достойное воспитание. Инг возлагал большие надежды на школу для девочек при церкви, но и там Шу не привили безупречные манеры. Кондитерская Марии, значит? Надо будет как-нибудь зайти.

Инг подошел к зеркалу, взял расческу и принялся наспех причесывать волосы. Нижняя губа пульсировала, но он изо всех сил старался выкинуть из головы странный и даже немного пугающий поступок сестры. Телефонный аппарат, стоявший на лакированной тумбочке, оглушительно затрезвонил.

– Да, – Инг поднял трубку, пытаясь пригладить непослушные локоны.

– Инг, – голос Кэти немного дрожал, – я должна тебе кое-что сказать.

– Ну и? – нетерпеливо отозвался Инг. С Кэти всегда было так, любит она ходить вокруг да около.

– Приезжай скорее на работу, не мешкай. Червивый Боб умер.

– В смысле? Он же был вчера как огурчик, – не поверил ее словам Инг.

– А рано утром умер. Сейчас здесь такая суета. Его увезли в морг на вскрытие. Полицейские бегают, всех допрашивают. Тобой уже раза четыре интересовались.

– Я выезжаю, Кэти.

Инг бросил трубку на рычаг. Черт знает что! После своего ухода он оставил Боба в удовлетворительном состоянии. Может, тромб оторвался? Или сердце подвело? Инфекция?

– Все в порядке? Ты побледнел. – Незаметно подкравшаяся Шу схватила Инга за край рубашки и с тревогой заглянула ему в лицо.

Когда она так делала, у Инга невольно сжималось сердце. Парень улыбнулся и с нежностью погладил сестру по голове, на несколько секунд задержав пальцы на шраме, рассекающем лоб девушки.

Он помнил Шу совсем малышкой, забавной и вечно растрепанной. Ну не умели мальчишки заплетать аккуратные косички. Ведь никого, кроме брата и парочки его друзей, – таких же парнишек-сирот, – маленькая Шу и близко к себе не подпускала, вот и ходила постоянно лохматой. Шрам, прячущийся под челкой, был ужасно уродливым. Если бы Ингу пришлось зашивать лоб Шу сейчас, то он, несомненно, сделал бы все гораздо лучше, потому что опыт в этом деле имеет колоссальное значение.

А тогда, будучи мальчишкой, глотая слезы и ненавидя самого себя, он накладывал трясущимися руками швы и не прекращал просил прощения у годовалой Шу. Она тоже плакала, но не вырывалась, хотя в ее ранении был виноват только Инг. Он унес едва научившуюся ходить Шу из приюта и спрятал за груду камней, думая, что это будет весьма забавно. Но девочка испугалась, побежала обратно к своему брату и, не удержав равновесия, упала, ударившись лбом о большущий камень. Рана оказалось глубокой, кровь заливала личико рыдающей Шу. Инг подхватил ее на руки и помчался в приют, но медсестры не оказалось на месте, а кровь все продолжала литься. Шу истошно орала. Инг долго не думал, его руки действовали сами собой. Было ли ему страшно? В тот момент – нет, он просто методично промыл, как смог, рану, зашил и наложил повязку, а после укачивал всхлипывающую Шу на своих руках. Вот тогда-то на него и накатил страх, и он осознал весь ужас случившегося. Маленькая девочка

трогательно сопела, уткнувшись носом ему в рукав, а ее розовая кофточка (Инг с тех пор ненавидел этот цвет и никогда не позволял Шу носить розовую одежду) была покрыта отвратительными бурыми кровавыми пятнами. Инг нежно прижимал к себе малышку, прислушиваясь к ее сердцебиению. Знал ли он, что это не самое страшное испытание в ее жизни? Предчувствовал ли?

– Так что случилось? – Шу нетерпеливо подергала Инга за рубашку. – Муж Кэти все узнал?

Охваченный горькими воспоминаниями, Инг притянул к себе Шу и осторожно поцеловал шрам на лбу, отчего губа отозвалась ноющей болью.

– Инг, ты меня пугаешь. Мия говорит, в лоб целуют на прощание, да и вообще, к чему все эти нежности? Я не маленькая. – Шу, словно ужик, вывернулась из рук брата.

– Для меня ты всегда будешь малышкой, – грустно ответил Инг. – Пациент мой умер, Кэти сообщила.

– Ты допустил врачебную ошибку? – выдохнула в ужасе Шу.

– Нет. Я не мог, это была слишком простая операция. Знаю, что не мог, вернее, чувствую. Здесь что-то другое. – Инг хотел было рассказать Шу о том, что пациентом был не кто иной, как Червивый Боб, но не решился.

Шу вцепилась в руки брата, сжимая его пальцы. Конечно, он не мог. У Инга – гениальные руки, все об этом твердят, пророчат ему блестящую медицинскую карьеру. А вдруг его подставили? Сердце Шу гулко застучало, а грудь опалила резкая боль, когда она с ужасом поняла, что больше не может сделать ни вдоха.

– Шу, только не сейчас. Успокойся, слышишь?! – Голос Инга казался каким-то нереальным, он доносился словно откуда-то издалека, а комната стремительно уменьшалась в размерах, сдавливая задыхающуюся Шу со всех сторон.

Инг подхватил девушку на руки и понес в комнату.

– Я умираю… не хватает… воздуха, – прохрипела она, в ужасе царапая горло.

– Да, да, опять умираешь, – слегка раздраженно произнес Инг.

Он уложил Шу на кровать, достал из тумбочки бумажный пакет и приложил к ее лицу, прикрывая нос и рот.

– Медленно, вдох-выдох. На, держи пакет сама. Это всего лишь патологическая реакция организма. Все в твоей голове. Расслабься и дыши.

Инг нетерпеливо взглянул на часы. Почему приступы у Шу всегда случались так не вовремя? Внезапно раздался стук в дверь. Полицейские?

– Я открою. Не убирай пакет, Шу. А то укол придется ставить, – на всякий случай пригрозил сестре Инг и поспешил к двери.

В глазок невозможно было ничего разглядеть, да и зачем он вообще тогда нужен был? Стук повторился.

– Кто? – спросил Инг, по-прежнему вглядываясь в темноту дверного глазка.

– Мия.

Инг, испытав облегчение, повернул замок и распахнул дверь. На пороге стояла миловидная девушка с корзинкой в руках. Ее светлые волосы были аккуратно уложены, платье – опрятно, а туфельки начищены до блеска.

– Шу забыла кое-какие вещи, я хотела вернуть, – проговорила она застенчиво.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/dzhun_aleks/spi-alisa

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити